

Свет утренней звезды

- Эя, не уходи. Скоро придут коххары. Не хочу, чтобы ты выглядела перед женихом, как дикая сарна, - мама пытается меня остановить, но разве можно поймать сачком ветер или удержать воду решетом? Я бегу так быстро, что картинка леса боковым зрением смазывается в одну сплошную линию, а мой звонкий голос трепыхающейся птицей опускается в раскрытые объятия сердитой матушки:

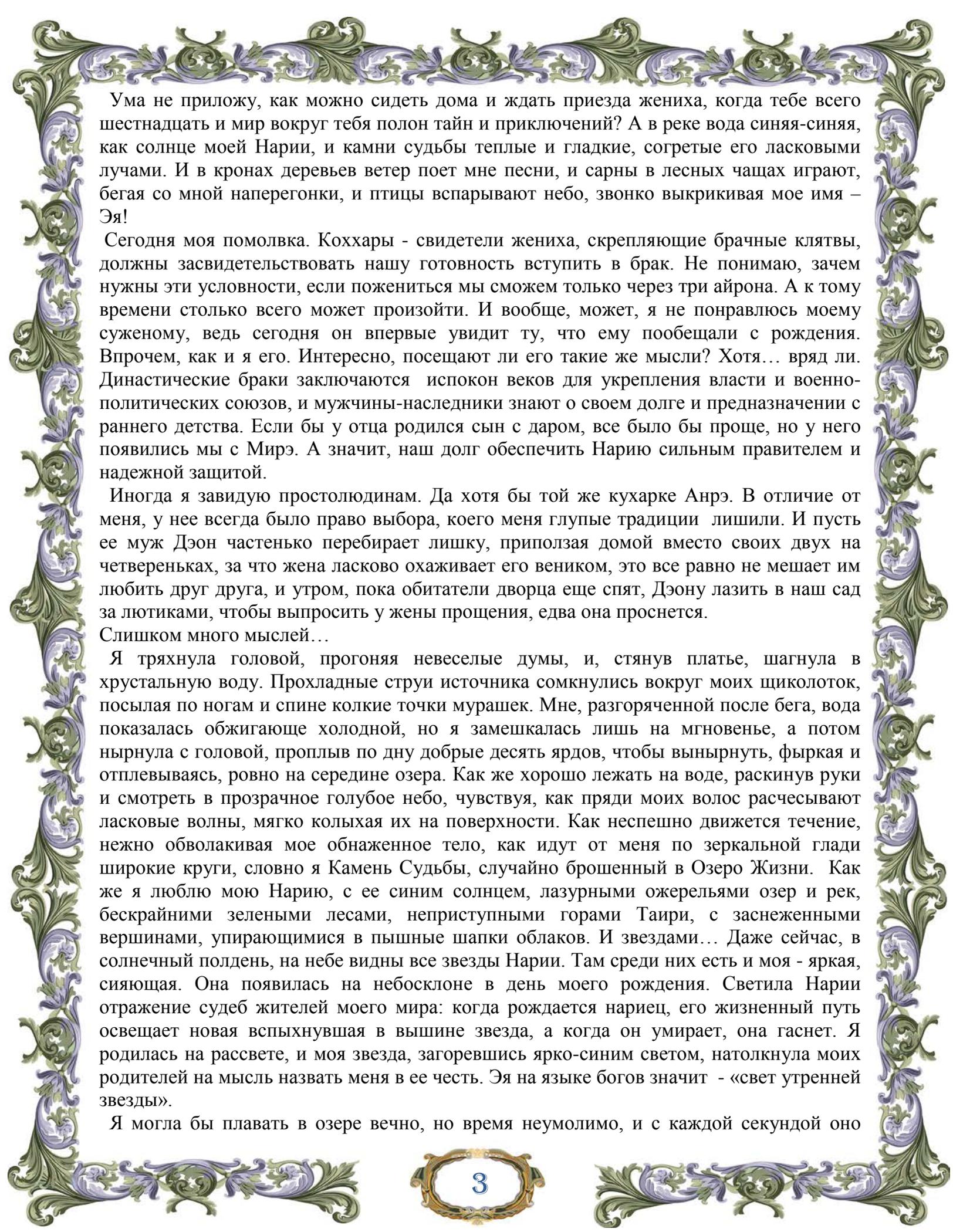
- Я недолго. Я только искупаюсь в источнике Эглы, и вернусь.

- Эя, несносная девчонка! Стой! Ты даже платье для помолвки еще не примерила, - мамин упрек летит мне вдогонку, словно камень. И я бегу еще быстрее, так, что сверкают пятки, и волосы золотым шлейфом развеваются по ветру. И где-то за моей спиной словно вырастают крылья, они подхватывают меня и несут вперед, навстречу солнцу, навстречу ветру, навстречу жизни.

Ненавижу платья. Длинные юбки путаются в ногах и мешают бегать. А еще больше ненавижу туфли на каблуках, холодные, сверкающие драгоценности, нелепые витиеватые прически и идиотские придворные манеры. Мама всегда говорит, что я больше похожа на лесное животное, чем на наследную тэйру, последнюю из рода сумеречных. Босая, вечно измазанная травой и соком лесных ягод, с распущенными волосами, изодранными руками и коленками, я мало похожу на высокородную наследницу Нарии.

- Ну, погоди, паршивка, пожалуюсь отцу! Вернешься во дворец, посажу под замок на десять лун,- злится мама.

И ведь правда запрет, но когда меня это пугало? Под кроватью в спальне лежит веревка с навязанными узлами, а лазить через окно гораздо веселей и приятней, чем просто ходить через двери. Жаль, что Мирэ не унаследовала дар отца, она больше подходит на роль наследницы: красивая, высокая, стройная, с гладкими, как шелк, белыми волосами, облаченная в струящиеся атлас и парчу, она является моим полным антиподом. В то время, как я дикой сарной ношусь по лесу или собираю на себя всю пыль Нарийских библиотек, Мирэ интересуют уроки танцев, красивые украшения, наряды и... мужчины. Собственно, ради них сестра и тратит столько времени впустую, пытаясь выглядеть безупречной. И будь на моем месте она, то сейчас примеряла бы платья, сооружала бы на голове какое-нибудь изысканное безобразие из волос и размалевывала лицо на манер жителей северных племен. Хотя тот факт, что невеста не она, думаю, ей совершенно не мешает заниматься сейчас именно этим. Уверена: когда я вернусь, сестра станет похожа на статую богини красоты Кале из храма высших, будет сидеть, чопорно сложив ухоженные руки на коленках, выровняв тонкую спину так, словно кол проглотила, и грустно вздыхать, выглядывая в окно в ожидании высокородных гостей.

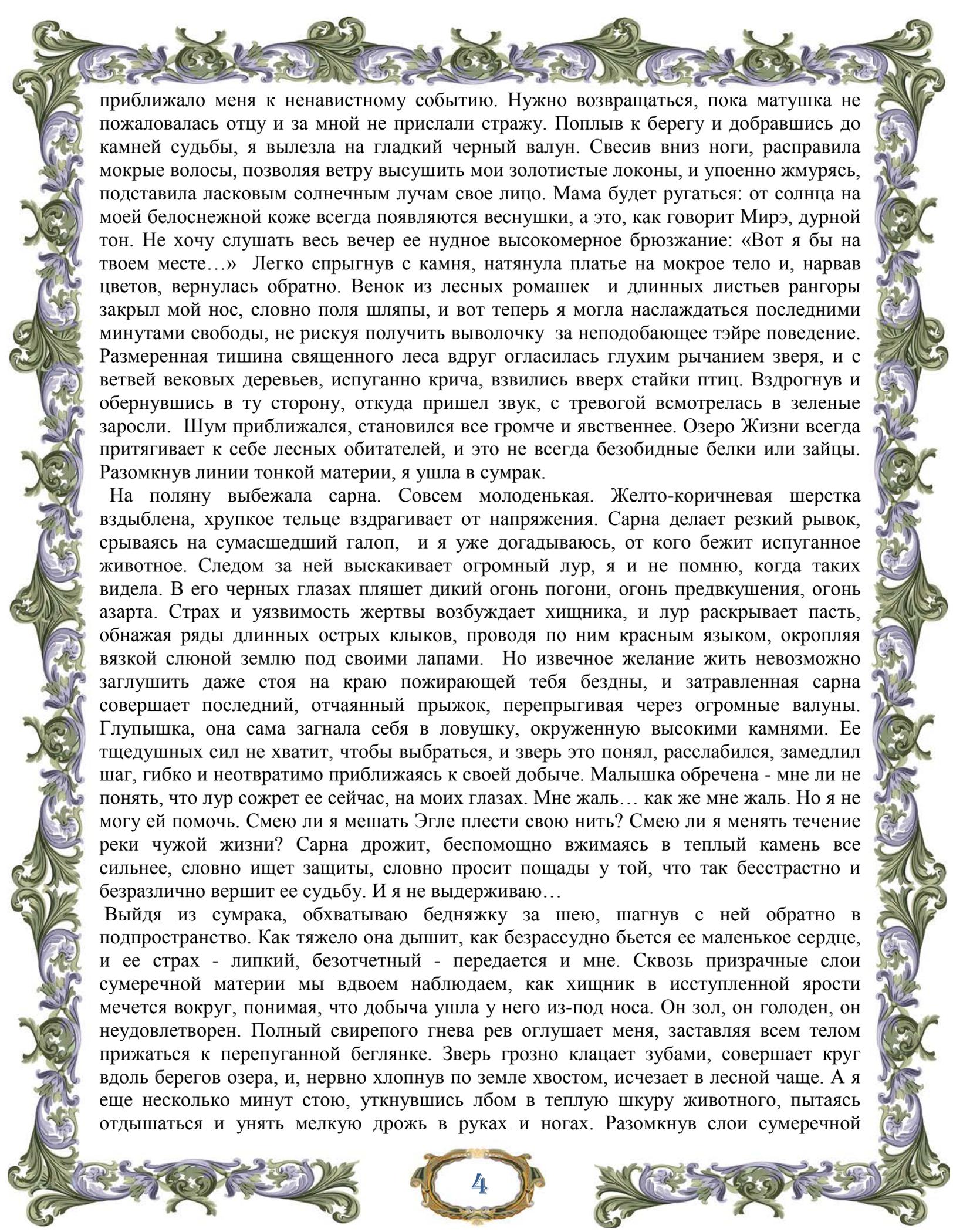
Ума не приложу, как можно сидеть дома и ждать приезда жениха, когда тебе всего шестнадцать и мир вокруг тебя полон тайн и приключений? А в реке вода синяя-синяя, как солнце моей Нарии, и камни судьбы теплые и гладкие, согретые его ласковыми лучами. И в кронах деревьев ветер поет мне песни, и сарны в лесных чащах играют, бегая со мной наперегонки, и птицы вспарывают небо, звонко выкрикивая мое имя – Эя!

Сегодня моя помолвка. Коххары - свидетели жениха, скрепляющие брачные клятвы, должны засвидетельствовать нашу готовность вступить в брак. Не понимаю, зачем нужны эти условности, если пожениться мы сможем только через три айрона. А к тому времени столько всего может произойти. И вообще, может, я не понравлюсь моему суженому, ведь сегодня он впервые увидит ту, что ему пообещали с рождения. Впрочем, как и я его. Интересно, посещают ли его такие же мысли? Хотя... вряд ли. Династические браки заключаются испокон веков для укрепления власти и военно-политических союзов, и мужчины-наследники знают о своем долге и предназначении с раннего детства. Если бы у отца родился сын с даром, все было бы проще, но у него появились мы с Мирэ. А значит, наш долг обеспечить Нарию сильным правителем и надежной защитой.

Иногда я завидую простолюдинам. Да хотя бы той же кухарке Анрэ. В отличие от меня, у нее всегда было право выбора, коего меня глупые традиции лишили. И пусть ее муж Дэон частенько перебирает лишку, приползая домой вместо своих двух на четвереньках, за что жена ласково охаживает его веником, это все равно не мешает им любить друг друга, и утром, пока обитатели дворца еще спят, Дэону лазить в наш сад за лютиками, чтобы выпросить у жены прощения, едва она проснется. Слишком много мыслей...

Я тряхнула головой, прогоняя невеселые думы, и, стянув платье, шагнула в хрустальную воду. Прохладные струи источника сомкнулись вокруг моих щиколоток, посылая по ногам и спине колкие точки мурашек. Мне, разгоряченной после бега, вода показалась обжигающе холодной, но я замешкалась лишь на мгновение, а потом нырнула с головой, проплыв по дну добрые десять ярдов, чтобы вынырнуть, фыркая и отплевываясь, ровно на середине озера. Как же хорошо лежать на воде, раскинув руки и смотреть в прозрачное голубое небо, чувствуя, как пряди моих волос расчесывают ласковые волны, мягко колыхая их на поверхности. Как неспешно движется течение, нежно обволакивая мое обнаженное тело, как идут от меня по зеркальной глади широкие круги, словно я Камень Судьбы, случайно брошенный в Озеро Жизни. Как же я люблю мою Нарию, с ее синим солнцем, лазурными ожерельями озер и рек, бескрайними зелеными лесами, неприступными горами Таири, с заснеженными вершинами, упирающимися в пышные шапки облаков. И звездами... Даже сейчас, в солнечный полдень, на небе видны все звезды Нарии. Там среди них есть и моя - яркая, сияющая. Она появилась на небосклоне в день моего рождения. Светила Нарии отражение судеб жителей моего мира: когда рождается нариец, его жизненный путь освещает новая вспыхнувшая в вышине звезда, а когда он умирает, она гаснет. Я родилась на рассвете, и моя звезда, загоревшись ярко-синим светом, натолкнула моих родителей на мысль назвать меня в ее честь. Эя на языке богов значит - «свет утренней звезды».

Я могла бы плавать в озере вечно, но время неумолимо, и с каждой секундой оно

приближало меня к ненавистному событию. Нужно возвращаться, пока матушка не пожаловалась отцу и за мной не прислали стражу. Поплыв к берегу и добравшись до камней судьбы, я вылезла на гладкий черный валун. Свесив вниз ноги, расправила мокрые волосы, позволяя ветру высушить мои золотистые локоны, и упоенно жмурясь, подставила ласковым солнечным лучам свое лицо. Мама будет ругаться: от солнца на моей белоснежной коже всегда появляются веснушки, а это, как говорит Мирэ, дурной тон. Не хочу слушать весь вечер ее нудное высокомерное брюзжание: «Вот я бы на твоём месте...» Легко спрыгнув с камня, натянула платье на мокрое тело и, нарвав цветов, вернулась обратно. Венок из лесных ромашек и длинных листьев рангоры закрыл мой нос, словно поля шляпы, и вот теперь я могла наслаждаться последними минутами свободы, не рискуя получить выволочку за неподобающее тэйре поведение. Размеренная тишина священного леса вдруг огласилась глухим рычанием зверя, и с ветвей вековых деревьев, испуганно крича, взвились вверх стайки птиц. Вздогнув и обернувшись в ту сторону, откуда пришел звук, с тревогой всмотрелась в зеленые заросли. Шум приближался, становился все громче и явственнее. Озеро Жизни всегда притягивает к себе лесных обитателей, и это не всегда безобидные белки или зайцы. Разомкнув линии тонкой материи, я ушла в сумрак.

На поляну выбежала сарна. Совсем молоденькая. Желто-коричневая шерстка вздыблена, хрупкое тельце вздрагивает от напряжения. Сарна делает резкий рывок, срываясь на сумасшедший галоп, и я уже догадываюсь, от кого бежит испуганное животное. Следом за ней выскакивает огромный лур, я и не помню, когда таких видела. В его черных глазах пляшет дикий огонь погони, огонь предвкушения, огонь азарта. Страх и уязвимость жертвы возбуждает хищника, и лур раскрывает пасть, обнажая ряды длинных острых клыков, проводя по ним красным языком, окропляя вязкой слюной землю под своими лапами. Но извечное желание жить невозможно заглушить даже стоя на краю пожирающей тебя бездны, и затравленная сарна совершает последний, отчаянный прыжок, перепрыгивая через огромные валуны. Глупышка, она сама загнала себя в ловушку, окруженную высокими камнями. Ее тщедушных сил не хватит, чтобы выбраться, и зверь это понял, расслабился, замедлил шаг, гибко и неотвратно приближаясь к своей добыче. Малышка обречена - мне ли не понять, что лур сожрет ее сейчас, на моих глазах. Мне жаль... как же мне жаль. Но я не могу ей помочь. Смею ли я мешать Эгле плести свою нить? Смею ли я менять течение реки чужой жизни? Сарна дрожит, беспомощно вжимаясь в теплый камень все сильнее, словно ищет защиты, словно просит пощады у той, что так бесстрастно и безразлично вершит ее судьбу. И я не выдерживаю...

Выйдя из сумрака, обхватываю бедняжку за шею, шагнув с ней обратно в подпространство. Как тяжело она дышит, как безрассудно бьется ее маленькое сердце, и ее страх - липкий, безотчетный - передается и мне. Сквозь призрачные слои сумеречной материи мы вдвоем наблюдаем, как хищник в исступленной ярости мечется вокруг, понимая, что добыча ушла у него из-под носа. Он зол, он голоден, он неудовлетворен. Полный свирепого гнева рев оглушает меня, заставляя всем телом прижаться к перепуганной беглянке. Зверь грозно клацает зубами, совершает круг вдоль берегов озера, и, нервно хлопнув по земле хвостом, исчезает в лесной чаще. А я еще несколько минут стою, уткнувшись лбом в теплую шкуру животного, пытаюсь отдышаться и унять мелкую дрожь в руках и ногах. Разомкнув слои сумеречной

материи, мы снова вышли в солнечную свежесть летнего дня.

- Беги, глупышка, - ласково погладила я все еще вздрагивающую от страха сарну. Малышка недоверчиво посмотрела на меня своими огромными влажными глазами, нервно переставляя тонкие ножки.

- Ну, что смотришь? Беги. И больше не попадайся на обед луру.

Сарна робко попятилась, настороженно зашевелив розовыми ушами. Я хлопнула в ладоши, и испуганное животное сломя голову бросилось в ближайшие кусты. Проводив ее насмешливым взглядом, подняла лицо к небу и обмерла: солнце ушло из зенита и клонилось в сторону горизонта. Проклятье, я опоздала! Мама будет кричать, а отец не станет и разговаривать со мной - прикажет запереть в покоях на долгие луны, да еще и стражу приставит. Подхватив полы платья, я рванула с такой скоростью, что сам дух ветра мне бы позавидовал. Хвала богам, что я знала все тайные подходы и лазейки, ведущие к замку. Пробежав сквозь гранатовый сад у южной стены дворца, я вывернула на аллею, проходящую сквозь лабиринт. Деревья, растущие вдоль усыпанной мелким гравием дорожки, сплетались над ней кронами, создавая из ветвей причудливую арку. Даже если кто-то и будет смотреть вниз из окон, то буйная зеленая паутина не позволит разглядеть того, кто в этом месте подходит к дворцу. Мне осталось пробежать несколько финальных метров до спасительного черного хода и, проскользнув потайной лестницей, оказаться в своей комнате, но, завернув за угол, я врезалась на полном ходу в чью-то жесткую, словно ствол эграпа, грудь. Чужие руки с силой сомкнулись на моих плечах, а когда подняла голову, столкнулась насмешливым взглядом глаз цвета спелых каштанов.

- Босоножка, - смешливо выгнул бровь мужчина. - Куда это ты так торопишься?

- Пустите, - дернулась я, попытавшись отстраниться от незнакомца. Да откуда он вообще здесь взялся?

- Ты вкусно пахнешь, босоножка. Речкой, солнцем и... женщиной, - наглец слегка отстранился, беззастенчиво разглядывая мою фигуру.

У меня от его раздевающего взгляда полыхнули щеки. Эгла, я только сообразила, что выгляжу, как ветреная женщина. Влажное платье прилипло к груди, бесстыдно обрисовывая все ее округлые контуры, волосы мокрые, растрепанные, на голове нелепый венок. Незнакомец, вероятно, принял меня за одну из служанок, спешащих на кухню.

Я не успела опомниться, как бесстыдник, резко обхватив за талию, жадно впился горячими губами в мой рот, пытаясь протиснуться своим языком между моих сжатых зубов. Боги, да он целует меня!?

- Сладкая босоножка. Вкусная... - лениво и хрипло протянул он. Губы после его прикосновений горели огнем, словно на них перца насыпали. Да я вся горела, и от стыда готова была сквозь землю провалиться. Никто и никогда не смел так дерзко прикасаться ко мне!

Мужчина снова приблизил лицо, желая сорвать с моих уст новый поцелуй, и я с размаху вlepила ему звонкую пощечину.

- Ах, ты... - широкие ладони нахала больно сжали мои запястья. Возможно, потом останутся синяки, но я не думала об этом, когда четким отработанным движением вывернулась из его крепкого захвата. Хвала богам, что я дружила с сыном начальника стражи, и он, частенько показывая мне приемы, говорил:

- Помни, Эя: если видишь, что тебе не хватает сил и ловкости, чтобы справиться с противником, бей его по самому больному месту. Ненадолго, но это выведет его из строя. И беги, Эя... беги так быстро, как только умеешь.

Может, это подло, конечно, но выбора наглый брюнэт мне не оставил: со всей силы ударив его коленкой между ног, а потом, оттолкнув от себя, я помчалась быстрее ветра, слыша за спиной его болезненный стон и злую ругань. Эгла, да у нас даже конюхи так не сквернословят! Откуда здесь взялся этот недоумок? Прошмыгнув под арку, нажала рукой на едва заметный глазу выступ в стене, и отъехавшая в сторону плита пропустила меня в тайный ход с узкой винтовой лестницей, ведущей наверх. Опустив рычаг, закрывая за собой проход, прижавшись спиной к каменной кладке дворца, наконец-то смогла отдышаться как следует. Я молилась всем богам, чтобы матушки не было в комнате, когда я ввалюсь в нее в таком виде, но, видимо, боги сегодня были глухи к моим просьбам, потому что, едва отодвинула ковер за потайной дверью, узрела целую толпу служанок, разглядывавших меня с выражением неподдельного возмущения на лицах.

- Эя!- в голосе маменьки зазвучали такие высокие истеричные нотки, что я невольно попятилась назад. Она сдернула с моей головы венки и бросила его в руки ехидно улыбающейся Мирэ. Та, брезгливо взяв его двумя пальцами, словно это были не цветы, а склизкая жаба, передала служанкам.

Королева зашла с гневной тирадой, а мне лишь оставалось повинно опустить голову и смиренно выслушать все, что она думает о безобразном поведении своей младшей дочери.

- Я же тебя просила! Ты посмотри, на кого ты похожа? Хвала богам, у тебя хватило ума не идти через парадный вход. Не представляю, какой бы скандал разразился, если бы кто-то из гостей тебя увидел в таком виде. Коххары уже прибыли. Где тебя носило, непослушная девчонка? Вот подожди, уедут гости, я все отцу расскажу!

- Я не специально, если бы не тот мерзкий лур, я бы успела,- оправдания выглядели откровенно жалко, но все же других у меня не было.

Мама испуганно схватила меня за руки.

- Детка, какой лур? Ты где была?

- Я собиралась возвращаться домой, когда к озеру прибежала молоденькая сарна. За ней гнался лур. Матушка, он был огромный, я таких еще никогда не видела, он...

- Что ты наделала, глупая? – вопрос зазвучал в тишине комнаты, как удар хлыста. – Ты что, затащила сарну в сумрак, отобрав у лура добычу?

- Но ведь он сожрал бы ее у меня на глазах! – я не понимаю, почему Мирэ и служанки, прикрыв ладошками рты, смотрят на меня с таким ужасом? Неужели следовало молча наблюдать за тем, как дикий зверь убивает беззащитную малышку?

- Нельзя вмешиваться в промысел Эглы. Нельзя рвать нить судьбы, ты могла накликасть беду на себя, доченька, - матушка вдруг крепко прижимается ко мне, ласково проводя руками по спутанным волосам. – Хорошо, что ничего страшного не случилось. Ну, за работу, - она подталкивает мое послушное тело к мгновенно встрепенувшимся служанкам, и меня начинают вертеть, словно утку на вертеле: стягивая платье, расчесывая волосы, надевая на руки перстни и браслеты. Спустя десять минут я выглядела так же уродливо, как и Мирэ.

- Редкая красавица. Глаз не оторвать, - маменька умиленно заламывает свои тонкие

ладони, обходя меня по кругу, но я, глядя в зеркало, совершенно не разделяю ее восторженных вздохов. Оттуда удивленно смотрит незнакомая тетка с удавкой из жемчуга на шее, ярко подведенными глазами, накрашенными соком лайры губами, волосами, заколотыми сотней шпилек с огреновыми бусинами, отчего кажется, что к голове привязали мешок с песком. А про платье я вообще помолчу, оно обтянуло тело, как чулок толстую ногу молочницы Хельтги, и кажется, что грудь сейчас вылезет из выреза, потому что ей совершенно некуда спрятаться в таком узком и тесном лоскуте ткани. Мирэ отчего-то завистливо вздыхает. Было бы чему завидовать, моя б воля - с радостью натянула бы всю эту дрянь на нее. Боги, скорее бы все закончилось, мне даже дышать в этом наряде тяжело!

- Наденьте на нее корону, - матушка щелкает пальцами, и служанки достают из ларца золотой обод, украшенный альмаринами, добытыми со дна голубого озера в ущелье поющих ветров.

- Как я тебе завидую, - выдыхает сестра, осторожно опуская атрибут власти на мою несчастную голову.

- Мирэ, чему тут завидовать? Да я готова двадцать лун взаперти просидеть, лишь бы не участвовать в этом балагане!

- Глупая ты еще, глупая и маленькая. И отчего дар ты унаследовала, а не я? – Мирэ вертится перед зеркалом, капризно выгнув свои тонкие брови.

- Веришь, сама об этом сто раз думала, - стою с ней рядом, разглядывая наши отражения. И все же мы с ней похожи, только у Мирэ волосы ровные, белоснежные, как шелковые нити, а у меня слегка вьющиеся и золотые, как будто солнечные лучи в них запутались и никак выбраться не могут. – А давай поменяемся, вот смеху-то будет! Жених все равно невесту не видел ни разу.

Сестра весело хохочет, подмигивая служанкам:

– Поменяться не поменяемся, но погадать, кто есть кто - заставим. Несите мою корону.

- Вы что удумали, проказницы? - мама хмурится, уперев руки в боки, а потом, глядя, как мы приседаем перед ней в одинаковых позах с коронами на головах, тоже начинает смеяться. – Хотите, чтобы у правителя Арзарии глаза от вашей красоты разбежались?

- А пусть угадает, которая из нас его невеста, – мы с Мирэ перемигиваемся, и теперь, наше озорство передается не только маменьке, но и служанкам, а вошедший в эту минуту отец все не может понять, чем же вызвано такое бурное веселье.

- Девочки, милые, нам пора. Все готово к церемонии, - отец протягивает нам с Мирэ руки, и мы, с самым невинным видом, меняемся местами. Дело в том, что старшая дочь должна стоять по правую руку, а младшая - по левую, а наша с сестрой шалость спутает жениху все карты. До момента, пока меня не попросят произнести ритуальные слова клятвы, он будет пялиться на Мирэ, и думать, что это она его невеста.

Папа качает головой, пряча в углах губ теплую улыбку, он всегда смотрит на наши проказы сквозь пальцы, хотя, по большому счету, они никогда не выходят за рамки приличий.

Зал Всех Святых заполнен до отказа. Еще бы - поглазеть на будущего правителя мира синего солнца собралась чуть ли не вся нарийская знать. Торжественную тишину, возникшую при нашем приближении, кажется, можно резать ножом, настолько она плотная и густая. Даже статуи богов, стоящие по кругу, внемля важности момента, смотрят с высоты почтительно и строго. Мы выходим на самый центр, и к нам

навстречу неспешно двигается процессия коххаров во главе с моим женихом. Боги, если бы не папенькина рука, я, наверно, грохнулась бы ему под ноги, на потеху всем собравшимся гостям! Взгляд карих глаз неспешно скользит по лицу и фигуре Мирэ, а затем, переметнувшись на мою сторону, буквально пронизывает меня насквозь. В уголках губ появляется ироничная усмешка, и бесстыжий брюнет едва заметным движением склоняет голову в легком приветствии. Коххары открывают Книгу Судеб, зачитывая ритуальные слова, а я начинаю ужасно злиться и нервничать под пристальным, раздевающим взглядом будущего супруга. Да как он смеет так открыто игнорировать Мирэ? Кажется, ему и вовсе безразлично, что его невеста она, а не я. Нет, я, конечно, но ведь он этого не знает и продолжает нагло пялиться, протирая дыру в моем платье. Я вздрагиваю, когда глава коххаров задает вопрос:

- Подтверждаешь ли ты, Тайрон Аэзгерд Видерон Арзарийский, готовность соединить свою судьбу с наследной тэйрой Нарии?

Улыбка правителя Арзарии становится шире, и, не отрывая от меня хищного взгляда, он громко произносит:

- Подтверждаю.

- Подтверждаешь ли ты, Эя Лорелин Аурелия Нарийская, готовность соединить свою судьбу с правителем Арзарии?

Я молчу, сглатывая подступивший к горлу комок, и в образовавшейся паузе чувствую, как возмущенные взгляды присутствующих выжигают во мне гневные дыры. Отец больно сжимает ладонь - похоже, он тоже злится.

- Подтверждаю, - вскинув голову, с вызовом смотрю на того, кто через три айрона станет моим мужем и повелителем. По его лицу скользнула странная тень, и готова поклясться на Книге Судеб - кажется, он мне подмигнул. Эгла, да он издевается, он с самого начала знал, кто я такая! Наглец делает шаг навстречу, протягивая мне свою руку, и мою похолодевшую ладонь крепко сжимают его длинные пальцы. Как же хочется сбежать отсюда, но я терпеливо жду, пока он наденет на меня свой родовой перстень. Холод артефакта тяжелой гирей повисает на моей руке, и возникает такое чувство, что меня только что, словно вольную птицу, посадили в клетку.

- Теперь подаришь мне свой поцелуй, босоножка? – шепот правителя Арзарии раздается над самым ухом, щекотно шевеля волосы у виска.

Жаль, что не могу при всех врезать ему коленкой между ног. Было бы приятно посмотреть, как с его лица сползает наглая издевательская ухмылка.

- А разве вас интересует чье-то согласие? Похоже, вы привыкли брать все, что пожелаете, не спрашивая чьего-то позволения.

И все же мне удается вывести его из себя. Глаза Тайрона превращаются в узкие щелочки и, едва коснувшись моей руки губами, он едко произносит:

- Ты права, моя босоногая тэйра, очень скоро мне твое разрешение не понадобится.

- Это если через три айрона я не забуду сказать вам «да», повелитель.

А вот теперь я его разозлила. Красивое лицо исказила гримаса ярости, но лишь на миг. Через секунду правитель Арзарии взял себя в руки, и только неестественно сверкающие глаза выдавали клокотавшую в нем злость.

- Я надеюсь, через три айрона, Эя, вы подрастаете и поймете, что у Нарии нет другого выхода. Брак со мной дает вашему миру защиту Альянса.

- Вы полагаете, что, кроме вас, на мне больше никто не захочет жениться?

- Что вы, тэйра, такая богатая и красивая девушка, как вы, составила бы прекрасную партию любому правителю, но боюсь, что в Альянсе больше не осталось холостых мужчин, - улыбка брюнета превращается в хищный оскал. Он понимает, что эту словесную баталию я проиграла, но, боги, как же мне хочется стереть с его самоуверенного облика эту высокомерную спесь! Я не знаю, что на меня нашло. Отец прав: женщина не должна быть такой несдержанной.

- Зато они есть вне Альянса, - мой ответ, кажется, ошеломил мужчину настолько, что он несколько секунд разглядывал меня словно диковинную зверушку.

- Оддегиры не берут в жены таких, как ты, девочка.

- Оддегиры не знают, что я последняя сумеречная, а единственное, что они ценят - это силу. Сын с даром сумеречных даст правителю оддегиры сильного наследника, неуязвимого воина - воина, которому не будет равных, - я понимаю, что несущую чушь, мне не следовало читать так много книг, но остановиться уже не могу.

- Ты с ума сошла, девочка, оддегиры - чудовища. И моли Эглу, чтобы они не узнали о твоём даре, - а вот теперь в его взгляде нет и капли пренебрежения, я вижу в его глазах страх. Я довольна.

- В каждом из нас, правитель Тайрон, живет чудовище, вопрос в том, как хорошо мы умеем его скрывать и как часто позволяем ему выбираться на волю.

- Ты слишком умна, для такой юной девушки, - задумчиво произносит Тай.

О, ну надо же, теперь меня, кажется, признали равной себе?

- Не думала, что ум является недостатком. Вам следует хорошенько подумать, повелитель, составит ли ваше счастье партия с таким вопиющим изъяном.

Брови Тайрона удивленно ползут вверх, и вдруг он начинает совершенно неприлично смеяться, привлекая к нам ненужное внимание окружающих.

- Твой язык так же остёр, как и твой ум, девочка. Мне нравится, - он наклоняется так близко, что теперь его губы касаются моей пылающей румянцем щеки. - Я не откажусь от тебя, тэйра, и не надейся. Наследник с даром - не единственное, что я хочу получить от тебя. В постели мне твой ум мешать не станет.

Меня тошнит от него. Ненавижу. Спасибо, что в эту минуту к нам подошел отец. Я выдернула руку из хватки пальцев жениха и нацепила на лицо вежливую улыбку.

- Вижу, вы нашли общий язык, - отец приветливо склоняет голову перед повелителем арзаров.

- Тэйра - сама кротость, красота и невинность, - неожиданно рассыпается в комплиментах он. - Я доволен, что вы с отцом заключили этот союз столько лет назад. Брак с вашей дочерью обещает принести не только выгоду нашим мирам, но, я надеюсь, составит и мое счастье, - взгляд правителя ползет по мне, словно слизень по листку лопуха: вязкий, липкий, скользкий, хочется сбросить его с себя и передернуться от омерзения.

- Мы с твоим отцом надеялись, что так и будет, - папа дружелюбно похлопал Тайрона по плечу. - Пойдем, отметим это событие бокалом хорошего ллайра, в моих погребах есть редкие экземпляры. Некоторым из них более сорока айронов. Они еще помнят другую расстановку сил спектра Ррайд.

- С удовольствием, - любезно соглашается Тайрон, и они с отцом, к моей невероятной радости и облегчению, уходят в зал с накрытыми для дальнейшей трапезы столами.

Мирэ, матушка, собравшиеся на торжество дамы из всех знатных родов Нарии,

обступают меня плотным кольцом, воодушевленно поздравляя и выражая бурный восторг по поводу свершившегося события. Я киваю им в ответ, как кукла с качающейся головою, что вырезает из дерева наш конюх, силюсь растянуть свое лицо в улыбке, но первый раз в жизни отчаянно хочу заплакать прямо посреди этой веселящейся на моем заклятии толпы.

Вечер длился бесконечно долго, мне казалось, что он никогда не закончится. Я не могла дождаться, когда же правитель Арзарии наконец уберется восвояси, и когда открыли портал для перехода, я не смогла сдержать облегченного вздоха. Тайрон словно понял это - он резко повернулся, разглядывая меня, и лицо его стало мрачнее грозовых туч в дождливый день.

- Скоро увидимся, моя драгоценная тэйра. Жду вас с ответным визитом у себя.

Опять эти глупые правила: невеста должна каждый следующий айрон приезжать к жениху, знакомиться с его семьей, традициями и устоями мира, в котором ей предстоит жить. По мне, так я бы его до свадьбы не видела! А если бы было возможно, то и вовсе за него не вышла.

- Он красивый, - мечтательно вздохнула Мирэ, провожая взглядом правителя Арзарии.

- Тебе повезло, сестренка.

- Он мерзкий. И взгляд у него, как у змеи, словно целиком заглатывает. Он мерзкий и старый, Мирэ!

- Ему двадцать пять всего, глупышка. Через три айрона он будет в самом расцвете, - хихикает сестра, заливаясь ярким румянцем.

Я смотрю на Мирэ как на полоумную.

- Фу, сестренка, неужели тебе такие нравятся?

- Маленькая ты еще, Эя, ничего в мужчинах не понимаешь, - снисходительно умничает она. - Вот когда подойдет время к свадьбе, ты увидишь его совершенно другими глазами. Он красив, у него такие сильные руки, шея и грудь широченная.

- Вряд ли мне через три айрона его руки, ноги, грудь и наглая морда будут нравиться больше, чем сейчас, - скептически фыркаю я. - А самый отвратительный у него язык, и сует он его мерзко, словно ящерица.

- Вы что, целовались? - глаза у сестры удивленно ползут на лоб и становятся круглыми, как плошки.

- Это он меня целовал, сволочь, - я в сердцах вытираю губы тыльной стороной ладони, вспоминая гнусные прикосновения наглого брүнета. - Отвратительное чувство, словно слюней мне в рот напустил.

- Как я тебе завидую, значит, ты ему понравилась, - глаза Мирэ затягиваются мутной поволокой, и лицо приобретает совершенно дурацкое выражение, как у глупой куклы.

- Вот и целуйся с ним сама, раз он тебе так нравится, - злюсь я на сестру.

Мирэ хватает меня за руку и заговорщически начинает шептать:

- Знаешь, Эя, поцелуй в мужчине не главное, хотя и это тоже... Главное, каков он будет как муж... ну, ты понимаешь?

Я ничего не понимаю, слова сестры кажутся мне какой-то запутанной шарадой.

- Ты о чем? Что значит - не главное? Он же будет лезть ко мне со своими поцелуями каждый день?

- И не только, - томно, на выдохе, сообщает сестра. - Мама тебе еще не говорила, но я знаю, чем занимаются мужчина и женщина после свадьбы.

- И чем же? – можно подумать, она скажет мне что-то новое, кроме того, что мужчина будет вершить государственные дела, а женщина послушно таскаться за ним следом, заглядывая ему в рот и соглашаясь с каждым его «мудрым» решением. Скучотища.

Мирэ склоняется к моему уху и говорит такие гадости, что волосы у меня на затылке начинают шевелиться, словно черви в илистом дне. Нет, я знала, что супруги должны спать в одной постели для продолжения рода, но чтоб такое...

- Это не может быть правдой. Люди не могут заниматься этим, как кошки и собаки! – меня просто трусит от возмущения.

- Почему сразу как собаки? – щеки сестры становятся пунцовыми. – Я видела в конюшне, как конюх лежал на служанке сверху, между ее ног. Эя, они были голые! Совершенно голые. И они так кричали, как коты по весне. Похоже, им нравилось то, что они делали. Вот я и говорю, что тебе повезло. Твой муж не стар, не урод, у него красивое тело, с таким не противно будет заниматься этим.

- О, боги, меня сейчас вырвет, - я жадно хватаю ртом воздух, но отчего-то не могу надышаться.

- О чем так серьезно болтают мои милые девочки? – голос отца заставляет меня вздрогнуть, и я цепляюсь за него, как за спасительную нить.

- Па, - я смотрю в его красивые светло-серые глаза и вижу отражение нежной и трепетной любви к своей дочери. – Это так обязательно выходить замуж за этого самовлюбленного хлыща?

- Мне казалось, он тебе понравился, - озадаченно произносит отец. Я вздыхаю и опускаю глаза.

– Не хотела тебя огорчать.

Папа притягивает меня к себе, ласково обнимая и целуя в макушку.

– Я понимаю, моя девочка, что тебе больше по нраву носиться, как сарне, по лесу, но к тому времени, когда придет срок исполнить брачные обеты, ты подрастешь и по-другому будешь смотреть на суть вещей. Этот союз нужен Нарии. Другого способа войти в Альянс и получить защиту у нас нет.

- Пап, почему ты считаешь, что нам может грозить опасность вторжения? В нашем мире нет магии, мы не представляем угрозы для демонов серебряных песков. Ты и я - последние сумеречные, о которых никто, кроме Тайрона, не знает даже в Альянсе. И если тебя можно опасаться как непобедимого воина, то я даже меч в руках удержать не смогу.

- Это правда, наш мир не представляет ценности для песчаных демонов, дочка, но это пока... Никто не знает, что взбредет оддегирам в голову завтра. Двадцать айронов назад я бы, не задумываясь, позволил тебе оставаться свободной, сколько пожелаешь, и найти себе пару по душе, но все изменилось. Расстановка сил изменилась с появлением беспощадных воинов пустыни. Никто не знает, откуда у них взялось столько силы и как они научились пересекать пространство, но они нанизывают покоренные миры, как трофеи на свои танторы, и если выбирать между рабством и союзом с правителем Арзарии, я выберу жизнь и свободу, дочка.

Я обреченно опустила голову. Ну, конечно... свобода народа Нарии ценой моего добровольного рабства. Глупое слово - долг, глупое и бездушное, и я всего лишь маленькое звено в его слаженном, безжалостном механизме.

****

Мне казалось, что три айрона - это так много, что время движется медленно, как старое колесо в телеге, скрипя и буксуя на скользких подъемах и выступах. Но я, вероятно, действительно была глупа и наивна, потому что теперь знаю – время льется как вода сквозь пальцы, ни на секунду не замедляя свой бег. Время - бесстрастный наблюдатель наших жалких потуг и иллюзорных надежд. Время - наш извечный палач, безразлично вззирающий, как мы день за днем сыплем песчинки своих жизней на его суровую плаху. Время позволяет нам лишь на миг застыть яркой звездой в его бесконечности, а затем сметает беспощадной рукой, не оставив и призрачного следа...

Три айрона пролетели как один миг. Я выросла, это правда... время сбросило с моих глаз розовую пелену и детский налет наивности, и теперь, со смирением и достоинством, я принимаю свою судьбу. Разве что иногда, когда никто не видит, позволяю себе упиваться собственной жалостью, мечтая о том, чему уже никогда не сбыться.

До свадьбы с правителем Арзарии осталось всего двадцать лун. Весь обозначенный нам до бракосочетания срок он появлялся на Нарии каждые три дегона, настолько примелькавшись мне, что я даже привыкла видеть его рядом и ловить на себе его странный зависающий взгляд.

Тайрон и правда красивый мужчина, сейчас я это понимаю. Вижу, как смотрят на него другие женщины, но, боги, наверное, я какая-то неправильная, потому что с каждым разом его прикосновения, как и он сам, вызывают у меня все больше злости и раздражения. Сегодня моя очередь посетить мир Арзаров, я была здесь уже дважды, и будущий супруг всегда вел себя неизменно любезно и подчеркнуто учтиво, не позволяя вспоминать о его непристойном поведении в нашу первую встречу. Но я не забыла... Отчего-то, когда поворачиваюсь к нему спиной, у меня возникает стойкое ощущение, что в этот момент в его взгляде нет вежливого налета галантности, в этот момент он смотрит на меня, словно голодный лур, готовый сожрать всю целиком.

Вот и сейчас он улыбается и предлагает прогуляться по саду, а у меня такое чувство, что за его улыбкой прячется хищный оскал.

- Я приготовил для тебя сюрприз, Эя Лорелин Аурелия, - ненавижу, когда он меня так называет, хочется топнуть с досады ногой, но вместо этого благочинно склоняю голову и протягиваю ему руку.

Тайрон выводит меня на широкую дорожку и замирает, очевидно, ожидая моей реакции. - Тебе это ничего не напоминает?

Я оглаживаюсь по сторонам, совершенно не понимая, что должна здесь увидеть. Обычная аллея, усыпанная гравием, с двух сторон засаженная высокими деревьями, сплетающимися кронами наподобие арки, таких у нас во дворце десятки. Да хоть та же у южной стены... О, боги, я кажется, догадалась, зачем мы здесь. Он воссоздал то самое место, где мы встретились впервые, когда он поцеловал меня.

- Узнала, босоножка? - голос Тая вдруг становится хриплым и сухим, как треск старых сосен на черных утесах. – Вижу, что узнала.

- Зачем это все? – мой испуганный лепет тонет во внезапно оказавшихся так близко губах правителя.

- С ума схожу по тебе, босоножка... С тех пор, как увидел там, на аллее, у стен дворца

- юную, светлую, чистую, как глоток свежего воздуха. Ты моя болезнь, мое

наваждение. Эя... Моя Эя. Подари мне еще один поцелуй...

Я пытаюсь увернуться от его губ, и они скользят по моей щеке, шее, виску. Его зубы прикусывают мочку уха, и из горла Тая вырывается глухой стон. Я не знаю, куда деться от его настойчивых прикосновений. Его руки стальными обручами приковывают меня к себе, не давая возможности вздохнуть. Он дышит, как безумец. Я боюсь его. Боюсь его горящего огнем взгляда: жадного, голодного, дикого. Так смотрит хищник, готовый разорвать свою жертву на части.

- Пожалуйста, не надо, Тай, - я упираюсь в него руками, но он сильнее, намного сильнее. Ладони повелителя захватывают мое лицо в тиски, и он впивается в меня алчным поцелуем, отбирая воздух, терзая губы, причиняя боль. Он словно с цепи сорвался, не слышит меня, не видит, что я плачу, плачу от стыда и бессилия, продолжая целовать, как сумасшедший, придавливая меня своим горячим телом к стволу дерева, не давая возможности ни пошевелиться, ни вздохнуть. В отчаянной попытке освободиться, я делаю единственное, на что у меня остаются силы - резко прокусываю его губу. Рот мгновенно наполняется соленым привкусом чужой крови. С низким рычанием Тай отпускает меня, зажав рану руками, и этих мгновений достаточно, чтобы броситься сломя голову прочь, подальше от ненавистного жениха и его отвратительных ласк.

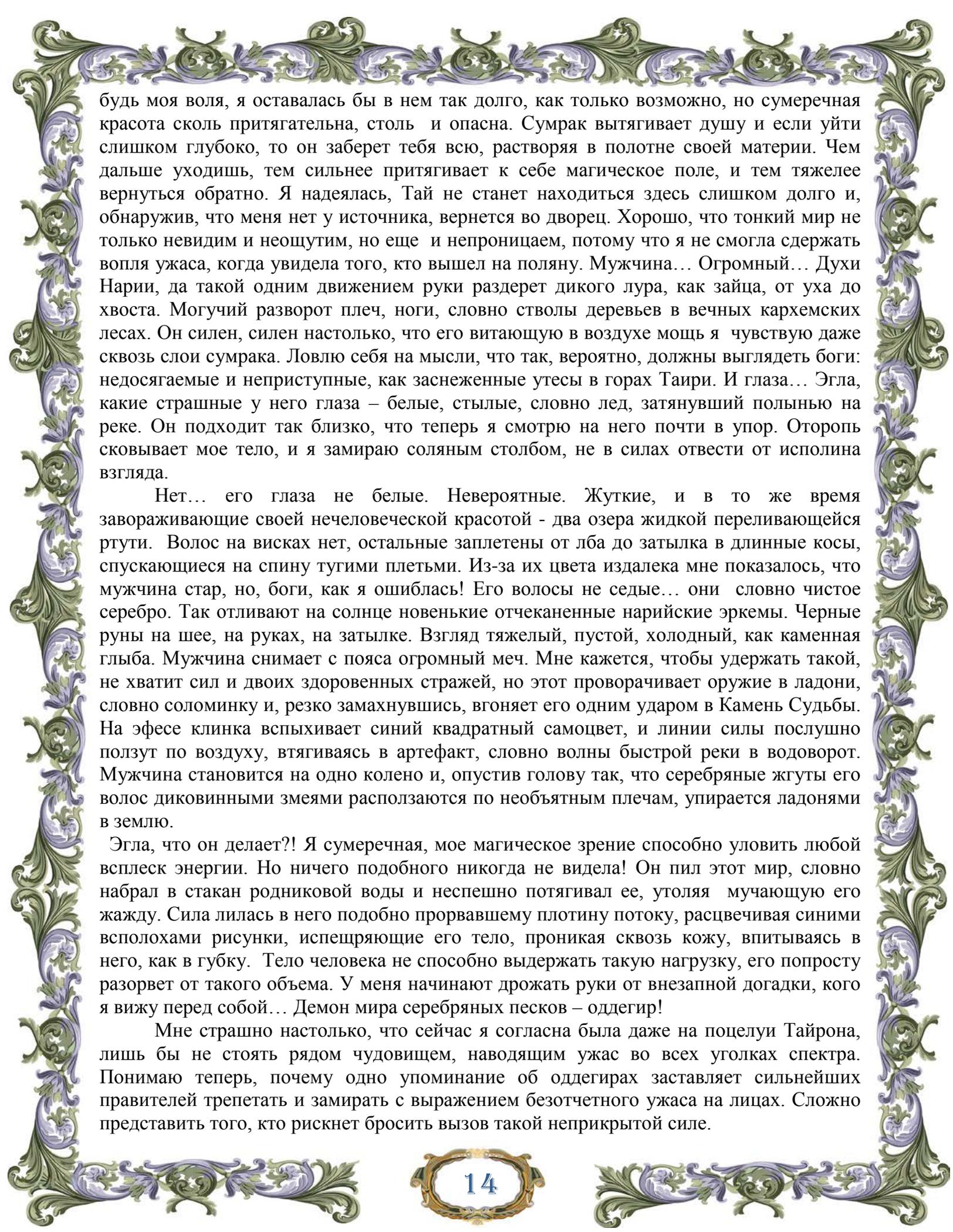
Я не знаю, куда я мчалась, мое испуганное сердце выбирало дорогу наугад. Наверное, так и бежала бы дальше, если бы на пути, как из воздуха, не вырос бы Камень Судьбы. Далеко же меня занесло. Я стояла на берегу Озера Жизни и чувствовала себя ужасно, словно меня вывалили в грязь, а самое страшное, что я даже пожаловаться никому не могу. Что я скажу отцу? Что меня поцеловал мужчина, который через двадцать лун станет моим мужем?

Хотелось бежать, бежать без оглядки, спрятаться в самые дальние слои сумрака. Был ли мне противен поцелуй Тая? Нет, наверно, но противен был сам факт того, что он попытался навязать его силой. Представила, что после свадьбы его губы будут касаться меня каждый день... и не только губы. Если то, что говорила Мирэ о супругах, правда... Бр-р-р, меня трясло от омерзения. Представить себя голой рядом Тайроном в одной постели... И все же выбора у меня нет. Я сумеречная тэйра, и брак с правителем Арзаров дает Нарии шанс войти в Альянс Ррайд, а это значит, что мы будем под защитой семи и песчаные демоны не смогут поработить мой мир, но, Эгла, будь у меня хоть один шанс, я бы выбрала другую жизнь...

Много мыслей... Слишком много мыслей. Отец говорит, что для женщины я слишком много думаю, и это мешает мне быть той, кем предназначено быть судьбой.

Шорох приближающихся шагов стремительно возвращает меня в реальный мир, жестоким пинком выбрасывая из тумана невеселых раздумий. Тай... Вот же... Нашел-таки. Не хочу его видеть. Не хочу слышать ненужные извинения. Не сейчас. Слишком часто мне придется видеть его в дальнейшем. Слишком часто придется наступать на горло своим желаниям и чувствам. Смешно... Слишком часто - это значит всю оставшуюся жизнь. Линии силы разомкнулись сами собой и, закрыв глаза, я бесшумно ушла в сумрак, подальше.

Тонкий мир вился вокруг меня вязкой патокой, растекался густым эфиром, переливаясь амарантом, мерцая лазурью, вспыхивая яхонтовым. Здесь было так много красок... других... недоступных глазу, такие редко встретишь в обычной жизни, и

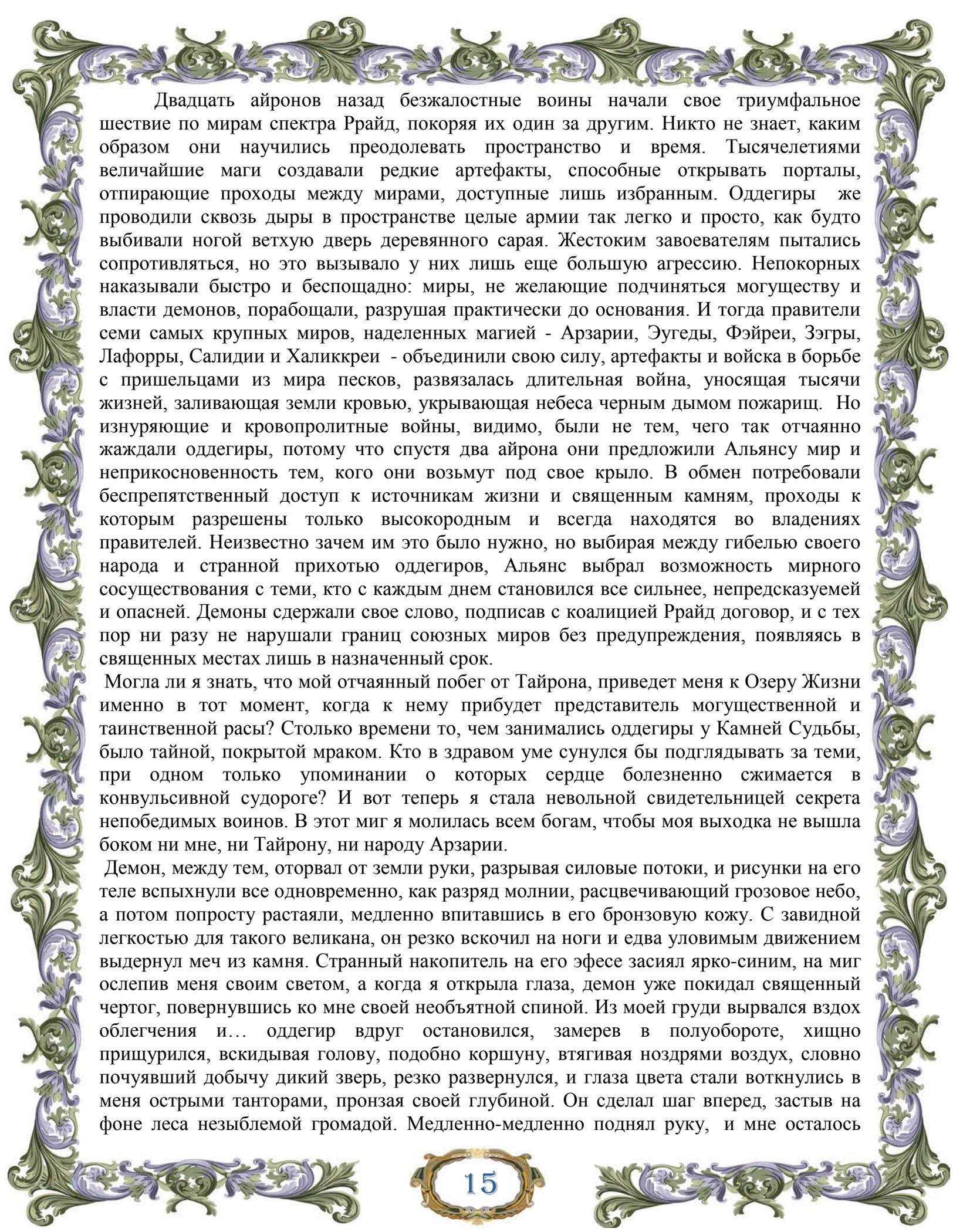

будь моя воля, я оставалась бы в нем так долго, как только возможно, но сумеречная красота сколь притягательна, столь и опасна. Сумрак вытягивает душу и если уйти слишком глубоко, то он заберет тебя всю, растворяя в полотне своей материи. Чем дальше уходишь, тем сильнее притягивает к себе магическое поле, и тем тяжелее вернуться обратно. Я надеялась, Тай не станет находиться здесь слишком долго и, обнаружив, что меня нет у источника, вернется во дворец. Хорошо, что тонкий мир не только невидим и неосязаем, но еще и непроницаем, потому что я не смогла сдержать вопля ужаса, когда увидела того, кто вышел на поляну. Мужчина... Огромный... Духи Нарии, да такой одним движением руки раздерет дикого луга, как зайца, от уха до хвоста. Могучий разворот плеч, ноги, словно стволы деревьев в вечных кархемских лесах. Он силен, силен настолько, что его витающую в воздухе мощь я чувствую даже сквозь слои сумрака. Ловлю себя на мысли, что так, вероятно, должны выглядеть боги: недостижимые и неприступные, как заснеженные утесы в горах Таири. И глаза... Эгла, какие страшные у него глаза – белые, стальные, словно лед, затянувший полынью на реке. Он подходит так близко, что теперь я смотрю на него почти в упор. Оторопь сковывает мое тело, и я замираю соляным столбом, не в силах отвести от исполина взгляда.

Нет... его глаза не белые. Невероятные. Жуткие, и в то же время завораживающие своей нечеловеческой красотой - два озера жидкой переливающейся ртути. Волос на висках нет, остальные заплетены от лба до затылка в длинные косы, спускающиеся на спину тугими плетями. Из-за их цвета издали мне показалось, что мужчина стар, но, боги, как я ошиблась! Его волосы не седые... они словно чистое серебро. Так отливают на солнце новенькие отчеканенные нарийские эркемы. Черные руны на шее, на руках, на затылке. Взгляд тяжелый, пустой, холодный, как каменная глыба. Мужчина снимает с пояса огромный меч. Мне кажется, чтобы удержать такой, не хватит сил и двоих здоровенных стражей, но этот проворачивает оружие в ладони, словно соломинку и, резко замахнувшись, вгоняет его одним ударом в Камень Судьбы. На эфесе клинка вспыхивает синий квадратный самоцвет, и линии силы послушно ползут по воздуху, втягиваясь в артефакт, словно волны быстрой реки в водоворот. Мужчина становится на одно колено и, опустив голову так, что серебряные жгуты его волос диковинными змеями расползаются по необъятным плечам, упирается ладонями в землю.

Эгла, что он делает?! Я сумеречная, мое магическое зрение способно уловить любой всплеск энергии. Но ничего подобного никогда не видела! Он пил этот мир, словно набрал в стакан родниковой воды и неспешно потягивал ее, утоляя мучающую его жажду. Сила лилась в него подобно прорвавшему плотину потоку, расцветивая синими всполохами рисунки, испещряющие его тело, проникая сквозь кожу, впитываясь в него, как в губку. Тело человека не способно выдержать такую нагрузку, его попросту разорвет от такого объема. У меня начинают дрожать руки от внезапной догадки, кого я вижу перед собой... Демон мира серебряных песков – оддегир!

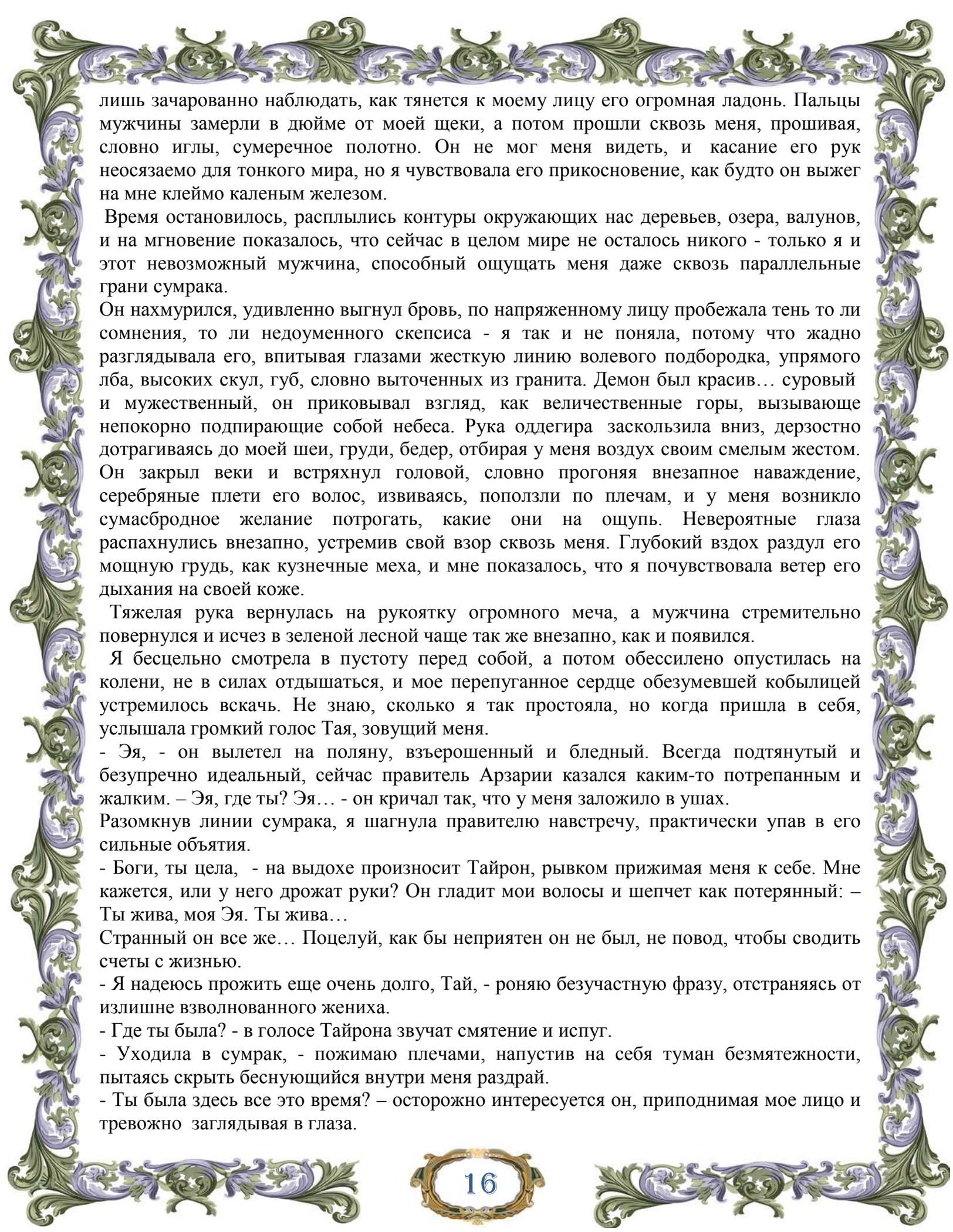
Мне страшно настолько, что сейчас я согласна была даже на поцелуй Тайрона, лишь бы не стоять рядом чудовищем, наводящим ужас во всех уголках спектра. Понимаю теперь, почему одно упоминание об оддегирах заставляет сильнейших правителей трепетать и замирать с выражением безотчетного ужаса на лицах. Сложно представить того, кто рискнет бросить вызов такой неприкрытой силе.

Двадцать айронов назад безжалостные воины начали свое триумфальное шествие по мирам спектра Ррайд, покоряя их один за другим. Никто не знает, каким образом они научились преодолевать пространство и время. Тысячелетиями величайшие маги создавали редкие артефакты, способные открывать порталы, отпирающие проходы между мирами, доступные лишь избранным. Оддегиры же проводили сквозь дыры в пространстве целые армии так легко и просто, как будто выбивали ногой ветхую дверь деревянного сарая. Жестоким завоевателям пытались сопротивляться, но это вызывало у них лишь еще большую агрессию. Непокорных наказывали быстро и беспощадно: миры, не желающие подчиняться могуществу и власти демонов, порабощали, разрушая практически до основания. И тогда правители семи самых крупных миров, наделенных магией - Арзарии, Эугеды, Фэйреи, Зэгры, Лафорры, Салидии и Халиккреи - объединили свою силу, артефакты и войска в борьбе с пришельцами из мира песков, развязалась длительная война, уносящая тысячи жизней, заливающая земли кровью, укрывающая небеса черным дымом пожарищ. Но изнуряющие и кровопролитные войны, видимо, были не тем, чего так отчаянно жаждали оддегиры, потому что спустя два айрона они предложили Альянсу мир и неприкосновенность тем, кого они возьмут под свое крыло. В обмен потребовали беспрепятственный доступ к источникам жизни и священным камням, проходы к которым разрешены только высокородным и всегда находятся во владениях правителей. Неизвестно зачем им это было нужно, но выбирая между гибелью своего народа и странной прихотью оддегиров, Альянс выбрал возможность мирного сосуществования с теми, кто с каждым днем становился все сильнее, непредсказуемей и опасней. Демоны сдержали свое слово, подписав с коалицией Ррайд договор, и с тех пор ни разу не нарушали границ союзных миров без предупреждения, появляясь в священных местах лишь в назначенный срок.

Могла ли я знать, что мой отчаянный побег от Тайрона, приведет меня к Озеру Жизни именно в тот момент, когда к нему прибудет представитель могущественной и таинственной расы? Столько времени то, чем занимались оддегиры у Камней Судьбы, было тайной, покрытой мраком. Кто в здравом уме сунулся бы подглядывать за теми, при одном только упоминании о которых сердце болезненно сжимается в конвульсивной судороге? И вот теперь я стала невольной свидетельницей секрета непобедимых воинов. В этот миг я молилась всем богам, чтобы моя выходка не вышла боком ни мне, ни Тайрону, ни народу Арзарии.

Демон, между тем, оторвал от земли руки, разрывая силовые потоки, и рисунки на его теле вспыхнули все одновременно, как разряд молнии, расцвечивающий грозное небо, а потом попросту растаяли, медленно впитавшись в его бронзовую кожу. С завидной легкостью для такого великана, он резко вскочил на ноги и едва уловимым движением выдернул меч из камня. Станный накопитель на его эфесе засиял ярко-синим, на миг ослепив меня своим светом, а когда я открыла глаза, демон уже покидал священный чертог, повернувшись ко мне своей необъятной спиной. Из моей груди вырвался вздох облегчения и... оддегир вдруг остановился, замерев в полуобороте, хищно прищурился, вскидывая голову, подобно коршуну, втягивая ноздрями воздух, словно почуявший добычу дикий зверь, резко развернулся, и глаза цвета стали воткнулись в меня острыми танторами, пронзая своей глубиной. Он сделал шаг вперед, застыв на фоне леса незыблемой громадой. Медленно-медленно поднял руку, и мне осталось

лишь зачарованно наблюдать, как тянется к моему лицу его огромная ладонь. Пальцы мужчины замерли в дюйме от моей щеки, а потом прошли сквозь меня, прошивая, словно иглы, сумеречное полотно. Он не мог меня видеть, и касание его рук неосяземо для тонкого мира, но я чувствовала его прикосновение, как будто он выжигает на мне клеймо каленым железом.

Время остановилось, расплылись контуры окружающих нас деревьев, озера, валунов, и на мгновение показалось, что сейчас в целом мире не осталось никого - только я и этот невозможный мужчина, способный ощущать меня даже сквозь параллельные грани сумрака.

Он нахмурился, удивленно выгнув бровь, по напряженному лицу пробежала тень то ли сомнения, то ли недоуменного скепсиса - я так и не поняла, потому что жадно разглядывала его, впитывая глазами жесткую линию волевого подбородка, упрямого лба, высоких скул, губ, словно выточенных из гранита. Демон был красив... суровый и мужественный, он приковывал взгляд, как величественные горы, вызывающе непокорно подпирающие собой небеса. Рука оддегира заскользила вниз, дерзостно дотрагиваясь до моей шеи, груди, бедер, отбирая у меня воздух своим смелым жестом. Он закрыл веки и встряхнул головой, словно прогоняя внезапное наваждение, серебряные пряди его волос, извиваясь, поползли по плечам, и у меня возникло сумасбродное желание потрогать, какие они на ощупь. Невероятные глаза распахнулись внезапно, устремив свой взор сквозь меня. Глубокий вздох раздул его мощную грудь, как кузнечные меха, и мне показалось, что я почувствовала ветер его дыхания на своей коже.

Тяжелая рука вернулась на рукоятку огромного меча, а мужчина стремительно повернулся и исчез в зеленой лесной чаще так же внезапно, как и появился.

Я бесцельно смотрела в пустоту перед собой, а потом обессилено опустила колени, не в силах отдышаться, и мое перепуганное сердце обезумевшей кобылицей устремилось вскачь. Не знаю, сколько я так простояла, но когда пришла в себя, услышала громкий голос Тая, зовущий меня.

- Эя, - он вылетел на поляну, взъерошенный и бледный. Всегда подтянутый и безупречно идеальный, сейчас правитель Арзарии казался каким-то потрепанным и жалким. - Эя, где ты? Эя... - он кричал так, что у меня заложило в ушах.

Разомкнув линии сумрака, я шагнула правителю навстречу, практически упав в его сильные объятия.

- Боги, ты цела, - на выдохе произносит Тайрон, рывком прижимая меня к себе. Мне кажется, или у него дрожат руки? Он гладит мои волосы и шепчет как потерянный: - Ты жива, моя Эя. Ты жива...

Станный он все же... Поцелуй, как бы неприятен он не был, не повод, чтобы сводить счеты с жизнью.

- Я надеюсь прожить еще очень долго, Тай, - роняю безучастную фразу, отстраняясь от излишне взволнованного жениха.

- Где ты была? - в голосе Тайрона звучат смятение и испуг.

- Уходила в сумрак, -жимаю плечами, напустив на себя туман безмятежности, пытаюсь скрыть беснующийся внутри меня раздрай.

- Ты была здесь все это время? - осторожно интересуется он, приподнимая мое лицо и тревожно заглядывая в глаза.

Впервые в жизни радуюсь тому, что я тэйра, и вести себя, сохраняя каменное лицо и бесстрастный облик, в любой ситуации нас с Мирэ учили с детства.

- Я не помню, там или здесь... Я просто хотела побыть одна. Потом услышала твой голос и словно очнулась.

- Хорошо, - он произносит это так, как будто у него с плеч падает тяжелый, придавивший его к земле, груз. - Прости меня, я напугал тебя своей несдержанностью. Это больше не повторится.

Я поднимаю на него изумленный взгляд. Что с ним происходит? Никогда не видела его таким смиренным и кротким. Или, может, я вовсе не знаю его?

- Пойдем во дворец, ты, наверно, устала и проголодалась, - Тай бережно берет меня под локоть, увлекая за собой вглубь тропы, ведущей к его владениям, и я послушно иду рядом, но отчего-то так и не получается выбросить из головы лицо демона с серебряными глазами. Моя щека до сих пор горит от прикосновения его дерзких пальцев.

Я действительно проголодалась, и увлеченная едой и своими мыслями, даже не заметила, как Тайрон покинул трапезную. Насытившись, я отправилась в свои покои, желая увидеть кого-либо или разговаривать, не было совершенно. Встреча с таинственным незнакомцем словно отобрала у меня все силы. Я не успела дойти до угла, как услышала до боли знакомый голос отца. Что он здесь делает!? Следующие слова заставили меня замереть и затаиться.

- Он видел ее... - донесся до меня яростный шепот Тайрона.

- Этого быть не может, - сердито возразил отец. - Никто не способен обнаружить сумеречных, если они размыкают грань. Не забывай, что я воевал на стороне Альянса и ни один оддегир не видел меня, когда я уходил в параллель.

- Тогда как вы объясните, что он описал ее с точностью до мелочей? - истерично зашипел Тай.

- Он утверждал, что видел ее? - поинтересовался папа.

- Нет, он спросил, есть ли во дворце кто-то, подходящий под ее описание.

- Я не знаю, возможно, Эя не успела замкнуть линии, и он успел заметить ее именно в этот момент, - задумчиво проронил отец. - Но в любом случае, я сейчас же заберу ее, и до свадьбы, она не покинет пределов Нарии.

- Согласен, потому я и вызвал вас.

- Ты передал ему бумаги о присоединении Нарии к Альянсу? - в голосе папы слышались тревожные нотки.

- Да, но я не уверен, что их рассмотрят до свадьбы. Он лишь временный приемник Харра, а не кровный наследник, хоть тот и усыновил его официально. Если квард эордов будет единогласен, Ярл - следующий повелитель оддегиров, и опаснее чем он, поверьте, я не встречал.

Отец тяжело вздохнул.

- Он и правда опасен, я помню его еще подростком. Ярл участвовал во всех вторжениях и всегда стоял по правую руку Оддерона. Похоже, повелитель песков за что-то очень высоко ценил мальчишку, раз объявил его своим наследником.

- Не знаю... - Тай вдруг замолчал, словно что-то обдумывал. - Это странно, но из всех оддегиров только он появляется у священных чертогов. Я разговаривал с правителями Эугеды, Фэйреи и других миров Альянса. Все они утверждают, что к Камням Судьбы

неизменно приходит только Ярл Харр, остальные лишь забирают дань и товары.

- И правда странно. Что он там делает?

В голосе Тая зазвучала неприкрытая ирония.

- Когда захочу лишиться головы, обязательно у него спрошу. Таким, как он, задавать лишние вопросы, как и неправдоподобно отвечать на их собственные, опасно для жизни.

- Ты прав, мой мальчик. Надеюсь, он поверил тебе?

- Мне показалось, что да. Я был достаточно убедителен. Думаю, если бы у него возникли сомнения, он не покинул бы Арзарию так быстро. Но Эю все же следует немедленно забрать. Пока она не моя жена, я не смогу ее защитить в случае, если демон предъявит на нее свои права.

- Где она? – деловито поинтересовался отец.

Я сняла туфли и, подобрав полы юбок, что есть духу помчалась обратно в трапезную. К тому времени, как в ней появились папа и Тай, мое дыхание успело восстановиться, поэтому изобразив на лице удивленную радость, я бросилась отцу навстречу.

- Папа! Что ты здесь делаешь?

- Я приехал за тобой, - ласково улыбнулся отец. Интересно, какую байку они с Тайроном придумали, чтобы вернуть меня домой?

- Что-то случилось? – надеюсь, что мое лицо действительно выглядит крайне озабоченным, и папа ничего не заподозрит.

- Нет, милая. Просто у Тайрона возникли неотложные дела, и он должен немедленно отбыть по делам Альянса. Не вижу смысла находиться тебе здесь одной, тем более, что к свадьбе так много еще не готово. Матушка сетует, что твое платье нуждается в примерке и подгонке.

- Да, конечно, - грустно вздыхаю я. – Я все понимаю. Разве смею я мешать правителю вершить государственные дела.

- Ты не мешаешь мне, Эя, - Тайрон берет мои руки в свои и подносит к губам. - С удовольствием забросил бы все дела и остался. И мы так и сделаем, как только поженимся. Обещаю, что после свадьбы всегда буду брать тебя с собой, куда бы ни отправился. Но сейчас будет правильнее, если ты вернешься домой, - он нежно обнимает меня, привлекая к себе, и я позволяю ему это, пряча на его плече довольную улыбку.

Если бы оддегир так не напугал меня, пожалуй, поблагодарила бы его за возможность провести последние двадцать лун дома. Правда, внутри меня еще немного потряхивает, шутка ли - выходит, я столкнулась с самим правителем Оддегиры. И ради своей безопасности и всех кто мне дорог, я сохраню твою тайну, Ярл... никому не расскажу о том, что я видела.

****

Отторум медленно заполняется эордами, входящими в квард, и я безразлично наблюдаю за теми, кто пришел вершить мою судьбу. Наивные глупцы, они считают, что могут что-то изменить и их голос действительно имеет вес и значение. Что ж, позволю им обманываться снова...

Легкая улыбка Анрану, едва заметный кивок головой Эридору. Да... вот так... теперь на лицах стариков выражение гордости и самодовольного удовлетворения,

всегда приятно рассчитывать на дружбу и благосклонность будущего повелителя.

Ледон, Дарг, Атирэс... этим достаточно одного моего взгляда, их голоса всегда будут на моей стороне, слишком многим они мне обязаны.

Сарус... он предан, как песчаный хрог, что сидит на его плече. Я спас ему жизнь, он проголосует за меня, не раздумывая.

Молодежь... эти согласятся просто из страха. Хотя я знаю, будь у них такая возможность, то с радостью вставили бы мне тантор между ребер, но я никогда им ее не предоставляю. Никто из кварда даже не догадывается, что все они - всего лишь боевые фигурки на доске для игры в крэк, которые я вот уже двадцать айронов переставляю так, как нужно мне. Исход все равно предсказуем: даже если они не проголосуют единогласно, я все равно остаюсь правопреемником Одерона – повелителем Оздегиры. Скучно...

Лучи солнца, падающие сквозь круглые окна под потолком, скрещиваются в центре залы яркими пучками, создавая причудливый столп света, и мне кажется, что в их переплетении я снова вижу призрак женщины с глазами цвета утренних звезд и золотым водопадом волос. Иногда воображение играет с нами в странные игры, рисуя затейливые формы и являя диковинные образы. И все же это было необычное видение - словно сама Эгла вышла мне навстречу из круга жизни. Я узрел ее так явственно, как сейчас вижу напыщенного Тахара, вырядившегося подобно павлину... идиот, разве что хвост себе не прицепил. Похоже, собрался составить мне конкуренцию? Глупый мальчишка.

Эорды занимают свое место в круге, и Анаран, по старшинству, начинает процедуру, произнося слова клятвы.

- Да будут ваши помыслы чисты, рука крепкой, а выбор справедливым. Приступим.

Сарус делает шаг вперед, и хрог с громким клекотом распрямляет крылья над его головой.

- Я отдаю свой голос Ярлу Риггарду Харру, - торжественно сообщает Сарус.

- Ярл, - коротко и ясно, один за другим, произносят Ледон, Дарг и Атирэс.

За ними то же самое повторяют старики и молодое поколение эордов.

- Я против! - Тахар даже подпрыгнул на месте от нетерпения.

Отчего-то я даже не удивился, что этот щенок высунет свой мерзкий язык в самый неподходящий момент. Мне даже понравилось: наконец-то квард перестает быть таким унылым.

- Я требую, чтобы он бросил камень в чашу Шаа.

- Что же ты сам не пойдешь в Сад Теней? - откинувшись на спинку кресла и презрительно окинув взглядом эорда с головы до ног, поинтересовался у покрывшегося пятнами мальчишки. - Или боишься, что пески под твоими ногами не поменяют цвет?

Я спокоен, по крайней мере, пытаюсь выглядеть таковым, и мое невозмутимое лицо выводит молокососа из себя еще больше.

- Таков закон: если один из кварда эордов против, верховного выбирает Шаа, - жалкий недоумок так смешно выпячивает грудь, что я непроизвольно кривлюсь в ехидной усмешке. Он правда считает, что я не знаю законов Оздегиры? Этот мир своим величием и силой обязан мне. Мне!

- Подумай еще раз, Тахар, ты можешь изменить свое решение, - Анаран устремляет

взгляд своих белесых глаз на зарвавшегося эорда.

- С чего вдруг? Вы заглядываете ему в рот и разве что не молитесь, - злобно шипит Тахар. - Но он всего лишь найденыш, которого повелитель Оддерон двадцать айронов назад подобрал в песках забвения.

- Его оберегали духи! Он избранный, и сотни раз это доказывал. Мы обязаны ему своей силой! - горячо возражает Сарус.

- Это он обязан нам жизнью, и всего лишь возвращает свой долг! - брызжет слюной глупый юнец.

Пора поставить его на место.

- Не тебе ли, Тахар, я обязан жизнью!? - откровенно издеваюсь я. - Кажется, когда я впервые провел оддегиров между мирами, твой отец еще не успел сделать тебя твоей матери.

Мои слова вызывают смех у присутствующих и еще больше распаляют Тахара.

- Я кровный наследник, я племянник Одерона. Я имею право требовать вердикта Шаа!

- Хорошо. Будь по-твоему, - произношу лениво и безразлично, так, словно делаю одолжение. - Я брошу свой камень в чашу жизни.

И все же я рискую. Что, если выбор прорицателя падет не на меня?

- Я войду в Сад Теней на закате солнца, Тахар, - щенок, кажется, доволен, и я с удовольствием разбавляю его триумф ядом своего сарказма. - Раз уж ты так чтить традиции, надеюсь, ты не забудешь стать на колени перед новым повелителем?

Он дергается как от удара, но молча сносит обиду. Пожалуй, заставлю его еще и поцеловать мне руку - впредь будет знать, на кого твякать.

- Я отдам приказ приготовить все к ритуалу, - Сарус подходит ко мне, торжественно положив руку на грудь. Для него я уже повелитель, в его душе, кажется, нет сомнений, чем закончится мой поход в Храм Песков.

- Пришли за мной хрога, когда все будет готово, - я величественно поднимаю голову и покидаю отторум в абсолютной тишине, чувствуя за своей спиной такие разные эмоции: почтение, зависть, страх, уважение и ненависть... Мне наплевать... Есть цель, и ради нее, я убью любого, кто станет у меня на пути ...

****

Хрог сел на окно, когда гетеры закончили суетиться вокруг меня, поднося одежду и оружие. Медленно сложив крылья, птица громко щелкнула клювом, уставившись на меня своими черными, как ночь, глазами с желтым зрачком.

- Скажи хозяину, что я готов.

Хрог важно разворачивается и камнем устремляется вниз, туда, где уже в ожидании моего появления торжественно выбивают дробь барабаны и протяжно поют зурь.

- Ваш тантор, эорд, - светловолосая рабыня низко склонилась предо мной, протягивая на вытянутых руках сверкающий клинок. Волосы тяжелой волной заструились вниз, и в заходящих лучах солнца напомнили мне другие. Поднял ее лицо, всматриваясь в глаза. Цвет не тот - темный... жаль... хотя если будет удовлетворять меня на коленях, я его и вовсе не увижу. Сойдет.

- Останешься в моих покоях на ночь.

Лицо девушки расцветивается восторженной улыбкой, словно я пообещал ей золото и самоцветы. Оглядывается на своих соперниц, ловя их завистливые взгляды. Глупые...

Они все так отчаянно борются за мое внимание и место в постели, не понимая, что ровным счетом ничего для меня не значат, я даже имен их не помню... и почти ничего не чувствую...

Пора. Меня ждут. Что ж, я не разочарую их ожидания. Устрою своим подданным красочное представление. Мой выход запомнится им надолго. Знаки силы вспыхивают на моем теле один за другим. Сжав в ладони эктраль, я разрываю пространство, появляясь, словно привидение, перед ошеломленной толпой. Духи, почувствовав мое приближение, поднимаются вверх белыми вихрями, обретают форму, и теперь ползут рядом со мной чудовищными змеями, закручивая вокруг себя пыльные воронки. Они сопровождают меня к храму, шипя и скаля свои бездонные песчаные пасти, заставляя стоящих вдоль дороги эордов отшатываться в ужасе и страхе. Останавливаюсь у входа в святилище, и вокруг мгновенно стихают все звуки. Тишина... Так тихо, что слышно потрескивание факелов на штоках. Всего лишь шаг отделает меня от желанной цели, и... я делаю его без страха и сомнений.

Белый песок Сада Теней озаряет красное солнце Оддегиры. Красиво... Красные искры на белом как капли крови на девственно чистых простынях - наверно, в былые годы они вызвали бы у меня восторг. Хотя я почти не помню, каково это... Сила опустошает меня, выедавая изнутри все чувства, оставляя лишь холод. Холод и... неутолимую жажду мести. Она - единственное, ради чего вот уже двадцать айронов я торчу в этом неуютном мире: Оддегире нужны еда и ресурсы, и я открыл им пути, позволив возвыситься над остальными расами, а мне нужны ее жестокие воины и власть, позволяющая беспрепятственно черпать силу из источников Эглы. В этом смысле мы идеальная пара, лучшего повелителя, чем я, у Оддегиры уже не будет.

Я ступил в круг теней, поднимая с земли гладкий черный камень. Их здесь сотни, не знаю, почему взял именно этот... Возможно, все же судьба...

По каменной чаше жизни поползли широкие круги, и над поверхностью возникло ртутное лицо Шаа. Никак не привыкну к его глазам... будто насквозь смотрят. Серебряные уголки губ опустились вниз, и тихий шипящий голос, словно расплавленный металл, плавно потек по стенам храма.

- Твой выбор, эорд.

Я вытягиваю руку, и камень падает в чашу с тихим плеском. Эхо многократно умножает звук, превращая его в чудовищную плюхающую какофонию.

- Выбор принят, - лицо Шаа расплывается по чаше, уставившись в потолок бездонными глазницами, вязко открывая и закрывая рот. - Твой камень жизни брошен, Ярл. И Эгла плетет нить твоей судьбы. Спрашивай, высший...

Время замирает, и все, что для меня сейчас имеет значение - это одно слово, звучащее победным гимном в моей душе. Высший... Высший эорд... Повелитель... Как долго я ждал... Как много сил я сложил на алтарь власти. Сколько жизней я забрал, чтобы получить это право стать правителем Оддегиры. Сладкий миг - идти по дороге судеб и видеть, как падают на колени те, кто вчера хотел вставить тантор мне в спину. Когда я выйду из храма, пески под моими ногами станут серебряными, возвещая мою власть над ними. Никто из них больше не станет на пути к моей цели, той, ради которой я все это затеял...Эктраль моя... В моей полной и нераздельной власти, и когда она завершит заданный цикл, я открою врата и сдержу данную тебе клятву, отец...

- Хочешь ли ты знать свое будущее, высший? – вопрос Шаа выдергивает из полудремы

опутавшей меня эйфории. Хочу ли я? А зачем я вообще сюда пришел?

- Ты знаешь, чего я хочу, Шаа, - подхожу вплотную к краю чаши, так что теперь глаза прорицателя, не мигая, смотрят в мои. - Я хочу вернуть себе все то, что у меня отняли...

- Тебе нет равных, высший, - вязкий шепот Шаа ползет по моей коже словно паук, осторожно переставляя свои тонкие лапки. - Но... зенит твоей звезды на исходе, Ярл. Ты отдашь всю свою силу и власть Нарийцу, эорд.

Не могу поверить... Я отрешенно смотрю на пляшущие на стенах яркие блики света. Этого не может быть! Нария - примитивный мир третьего уровня... кажется, на моем столе лежат бумаги... правитель Арзаров собрался взять в жены наследную тэйру Нарии, и как только брак будет скреплен, Нария станет для меня неприкосновенной, войдя в Альянс Ррайд. Но пока свадьба не состоялась и квард эордов не видел документов, значит, я вправе...

- Ты ошибся, Шаа. Я сам плету нить своей жизни, и я не буду столь глуп, чтобы смиренно ждать, пока существо низшей расы придет и заберет у меня то, к чему я шел столько лун, - резко развернувшись, я стремительно направился к выходу, упиваясь нахлынувшей на меня яростью. Все же хоть какое-то чувство. Лучше, чем бесконечная стылая пустота.

Двери храма распахнулись, и я сделал шаг вперед, уверенно ступая на жемчужное покрывало дороги. Пески под моими ногами медленно стали темнеть, оплавляясь по кругу серебряной лужи, затем выгнулись дугой и потекли ускользящей вдаль сверкающей рекой. В воздух в едином порыве взметнулись сотни пылающих факелов, осыпая вокруг себя дождь из золотых искр. Звонящую тишину внезапно взорвал торжественный гул барабанов и оглушающий рев тысяч ликующих голосов, приветствующих нового правителя - Ярла Риггарда Харра.

Сегодня я не стану портить им праздник, этой ночью они будут пить и веселиться, прославляя своего повелителя и господина, а завтра... Завтра я призову своих воинов и поведу их покорять мир, создающий угрозу Оздегире. Завтра я уничтожу Нарию.

- Повелитель, - Сарус опускается предо мной на песок, склоняя голову и касаясь рукой моих одежд.

- Встань. В твоей верности я не сомневаюсь, - я хлопаю верного друга по плечу в ответ на его радостную улыбку. - Ты мне понадобишься завтра. Отныне ты моя правая рука и командующий армией. Утром все войска должны быть в полной боевой готовности.

Он удивленно распахивает глаза. Еще бы - с тех пор, как Оздегиры подписали договор с мирами спектра Ррайд, армия ни разу не выступала с боевыми действиями.

- Нам готовиться к войне? Альянс что-то затевает?

- Нет, дружище, это будет быстрая победа. Мы пойдем на мир, не входящий в лигу.

- Повелитель, - в глазах Саруса загорается алчный блеск охотника, почувшего дичь, - Оружие оддегиров залежалось в ножнах, воины будут довольны: много рабов, много трофеев.

- Запомни сам, Сарус, и предупреди солдат: рабов в этот раз не будет. Они могут брать все, что угодно - золото, драгоценности, артефакты, еду, оружие, но не пленников. Нарийцы должны быть уничтожены все до единого. Мне было предсказание Шаа, они угроза для Оздегиры.

Мой взгляд задерживается на коленопреклоненном Тахаре: завтра мне пригодиться

его злость и тщеславие. Двигаюсь в его сторону медленно и неспешно, так, чтобы мальчишка простоял в такой униженной позе как можно дольше. Останавливаюсь перед ним и с высоты своего роста молча сверлю взглядом его склоненный затылок, пока он не начинает чувствовать мой тяжелый взгляд спинным мозгом и не поднимает ко мне свое лицо.

- Теперь у тебя нет сомнений, Тахар, в истинности моего права на престол? – насмешливо спрашиваю ставшего бледным, как пески Оздегиры, зорда, протягивая ему руку.

- Нет, повелитель, - парень смиренно целует перстень власти на моей руке, сторбившись и понуро опустив голову.

Что ж, сегодняшний урок он заполнит надолго и впредь будет опасаться открыто выступать против меня, но мне не нужен враг в собственном доме, перегибать палку не стоит.

- Сильных людей судьба ставит на колени для того, чтобы доказать им, что они могут подняться, слабаки же стоят на коленях всю жизнь. Терпит поражение, Тахар, не тот, кого поставили на колени, а тот, кто пал духом и не мечтает подняться. Вставай, я прощаю тебе твою дерзость.

Мальчишка выпрямился предо мной, расправив плечи, но глаза так и не поднял. Кнута на сегодня достаточно, сейчас будет пряник.

- У тебя еще будет возможность доказать мне свою преданность, Тахар, назначаю тебя командующим левым крылом конницы. Завтра армия Оздегиры выступает покорять новый мир. Надеюсь, не подведешь.

- Не подведу, - лицо Тахара искривляется в жестокой ухмылке - нет сомнений, ему понравилась новая должность, и завтра мальчишке будет куда выпустить свой пар.

- Веселись сегодня, - взъерошиваю его кудрявые волосы, а затем поднимаю вверх две руки. – Даххар! - летит над толпой мой громкий крик и моему приветствию вторят сотни тысяч голосов.

- Даххар!

В воздух взлетают сотни зажженных стрел, раскрашивая сереющее небо желтыми кометами, впиваясь острыми жалами в символ оздегиров на верхушке храма, и он вспыхивает ярким факелом, возвещая на сотни миль о начале праздника.

Состязания на мечях, крики, смех, танцы, музыка и вино, льющееся рекой, к полуночи начинают меня утомлять. Я смотрю на веселящийся народ и не испытываю никаких чувств. Я так давно ничего не чувствую, что кажется, внутри меня разверзшаяся бездонная пропасть, мрачная и беспросветная, словно черные омуты в долине смерти... Внутри меня холодные зыбучие пески и лютая стужа, внутри меня нет сердца... Нет, оно есть, и в привычном смысле этого слова каждый день перегоняет кровь по венам и наполняет мои мышцы жизненной энергией, но я не помню, когда в последний раз оно сжималось от боли, трепетало от радости или захлебывалось от восторга и наслаждения. Даже женщины приносят лишь физическую разрядку моему сильному тренированному телу, не цепляя ни на йоту и краешка моей души. Я пуст, пуст как глиняный кувшин, выморожен впитавшейся в меня силой. Она убивает во мне с каждым днем все человеческое и живое... Смогу ли я когда-нибудь вернуть себя прежнего? Смогу ли снова вспомнить, что чувствовал двадцать айронов назад тот отчаявшийся мальчик, заброшенный в пустыню Оздегиры, который, стоя на коленях,

выкрикивал в раскаленные небеса слова данной отцу клятвы, срывая голос до хрипоты? Смогу ли я...

Подав знак Сарусу, я отправился в свои покои, подальше от веселящейся оголтелой толпы, чьи льющиеся через край эмоции вызывают у меня лишь раздражение и досаду.

Пол в моей спальне уставлен сотней свечей и усыпан цветами эурезий. Каждый мой шаг расплющивает тонкие лепестки, и их пряный аромат опутывает меня сладким дурманом. Меня ждали... Мои гетеры знают, как следует встречать своего господина. Нежные руки ложатся мне на плечи, расстегивая застежку плаща. Рабыня плавно скользит вокруг меня, умело снимая перевязи ремней с оружием, развязывает тунику, едва касаясь пальцами моего тела. Мне нравится ее игра, и я позволяю ей больше: дотронуться ладонью до моего бедра, пробежать торопливыми пальцами по животу и груди, легко поцеловать в шею, провести горячим языком по подбородку. Я захватываю в кулак ее распущенные волосы и тяну вниз, заставляя запрокинуть голову навстречу моим губам. Всматриваюсь в ее затянутые поволокой страсти глаза, но не нахожу того, что ищу. Не нахожу манящего за собой света утренних звезд, только непроглядную темную ночь. И вся она внезапно становится дешевой подделкой, жалкой имитацией преследующего меня златокудрого видения. Это все равно, что, вместо драгоценных альмаринов, мне подсунули сверкающую на солнце стеклянную фальшивку.

- Пошла вон, - грубо отталкиваю от себя ничего не понимающую девушку.

- Что я сделала не так, повелитель? – она падает на колени, обнимая мои ноги, и от этого становится еще хуже.

- Убирайся, - практически рычу я. – Я устал.

Она исчезает так же тихо и незаметно, как и появилась - за столько лун гетеры привыкли подчиняться моим приказам беспрекословно, но я ни разу за все эти айроны не был с ними так груб. Что происходит? Почему почудившийся мне призрак продолжает преследовать меня, внося в мою жизнь смятение и раздрай? Почему не могу забыть сияния голубых, словно звезды, глаз... их свет такой чистый, как хрустальная вода в озерах и родниках моей родины. Ее образ пробуждает во мне что-то, давно утерянное, и я силюсь вспомнить что, и не могу... Кто она? Зачем явилась мне? Было ли это знаком? И была ли она вообще? Мое ли это безумие, или злая насмешка Эглы?

Я закрываю веки, и впервые за такое долгое время мне снится сон: яркий, живой, красочный. Призрак предстает предо мной так явственно и живо, что я могу рассмотреть удивление и испуг, пляшущий в ее широко раскрытых глазах, глубоких, манящих, искрящихся. Я вижу лучи света, осыпавшиеся на ее волосы золотой пылью и полураскрытые губы, сочные, влажные, сладкие... Хочу дотронуться... и она исчезает, растворяясь в воздухе, как утренний туман, умывая мою опустошенную душу своим умиротворяющим теплом...

****

Лучи синего солнца Нарии сапфировыми лужицами ложатся в мои раскрытые ладошки, и я с нежностью впитываю их тепло всем своим естеством, стараясь вобрать в себя и сохранить внутри красочными картинками. Еще две луны, и о своей

свободной жизни я буду только вспоминать, выживая из хранилища памяти сияющие кристаллы минут, часов, айронов. Разноцветная птичка села на подоконник, развернув хохлатую голову на тонкой шейке, громко чирикнула, уставившись на меня своими глазками-бусинками.

- Иди ко мне, - протягиваю руку навстречу пернатому чуду, и она, радостно встряхнув перышками, прыгает мне на раскрытую ладонку, вцепившись тонкими лапками в пальцы. – На, ешь, - сыплю в ладонь хлебные крошки, и пичуга жадно клюет их, изредка поглядывая в мою сторону. Люблю кормить птиц, люблю следить за их свободным полетом, безусловной возможностью оторваться от земли, расправить крылья и парить высоко-высоко, не глядя на тех, чей удел всегда оставаться внизу. Я бы хотела родиться птицей, подняться ввысь, отдаваясь в руки неба, почувствовать себя свободной от запретов и условностей выдуманного людьми мира, не зависеть от глупых правил, а просто жить. Позволит ли мне будущий супруг, хоть иногда, так же беззаботно кормить пернатых друзей, бегать по лесу и не думать ни о чем, подставляя свое лицо солнечному свету?

- Эя, ты долго будешь копаться? Мы опоздаем к началу праздника, - в комнату влетела Мирэ, гневно пыхтя, как росамаха, проснувшаяся от спячки. Пичуга, испугавшись ее громкого голоса, вспорхнула с моей руки и вылетела в раскрытое окно.

- Ты напугала птицу, - обиженно вздыхаю я.

- Эя, ты через две луны станешь женой правителя Арзарии и хозяйкой огромного мира, и вместо того, чтобы думать о муже, ты, как малое дитя, возишься с крылатыми.

- В том-то и дело, что у меня больше не будет такой возможности, а ты лишила меня и этой.

Мирэ укоризненно качает головой, всем своим видом демонстрируя мою некомпетентность и безграмотность в вопросах предстоящей супружеской жизни.

– Какая же ты, Эя, глупенькая еще. Ничего, надеюсь, Тайрон найдет для тебя более интересное занятие, чем носиться по лесу сломя голову, как сарна, или без толку сидеть на окне, разглядывая звезды в небе. Думаю, со временем тебе даже понравится, - хихикает она, неприлично подмигивая мне, и я чувствую, как лицо заливается краской стыда.

Теперь я знаю о том, что происходит между супругами в брачную ночь, но отчего-то так и не могу представить Тая в одной постели рядом с собой, и его руки, жадно ползающие по моему телу.

- Ты специально злишь меня? - интересуюсь у сестры, уткнувшуюся носом в зеркало, смешно выпячивающую губы, словно пытается поцеловать потустороннего духа.

- Я ведь говорю, глупая ты, Эя, и ничего не понимаешь в мужчинах. Тебе достался такой редкий экземпляр, а ты нос воротишь. Да Тай для тебя звезды с неба доставать готов. Красив, молод, знатен. Что тебе еще нужно?

- Забирай его себе, раз он тебе так приглянулся.

- И забрала бы, - ворчит Мирэ. – Ничего, после твоей свадьбы я тоже смогу найти себе красивого жениха. Нария войдет в Ррайд, и я стану выгодной партией для мужчин из знатных родов миров, входящих в Альянс. Говорят, у правителя Халиккреи есть брат, и он ищет себе супругу. Я должна ему понравиться, - сестренка встает перед зеркалом боком, оглаживая свои упругие бедра, потом высоко поднимает руками грудь, и я захожусь веселым хохотом.

- Мирэ, ты невозможна! Думаю, в такой позе ты понравилась бы даже каменному истукану в долине духов, и он воспылал бы к тебе неземной страстью, а уж какой-то там брат правителя Халиккреи так и вовсе ползал бы за тобой следом, умоляя удостоить его одного только взгляда.

Мирэ недоуменно округляет глаза, а затем разглядывает свое отражение в зеркале и тоже начинает громко смеяться.

- Пойдем на площадь, - весело щебечет она. - Там уже столько народу собралось, скоро начнутся танцы!

Сегодня мой любимый праздник – Восход Нарии. Только в эту луну цветет удивительно красивый цветок, похожий на упавшую с небосклона звезду - наирелия, названный в честь моей родины. Его синие лепестки раскрываются ровно в полночь, загораясь искрящимся голубым светом. Легенда гласит, что его цветение дарует счастье и любовь всем тем, кто его видит, вот и собираются в эту ночь вокруг цветка все жители Нарии, чтобы согреться и искупаться в лучах его благодати. Весь город увешан благоухающими красочными гирляндами из эурезий, клоксов, урфиний, лоредронов, каменные мостовые усыпаны лепестками роз и гортензий, девушки и парни украшают свои головы душистыми венками, водят хороводы, поют песни, танцуют до самой зари, а потом пускают бутоны наирелии по реке, и ее воды превращаются в светящийся сияющий поток, несущийся в бесконечность.

- Да, сестренка, пойдем, не думаю, что мне еще когда-нибудь удастся поплясать с подругами до утра, вряд ли мой муж будет отпускать меня на такие праздники. Не знаю, когда в следующий раз я смогу попасть в Нарию.

Мирэ порывисто обняла меня, громко шморгнув носом.

- Я буду скучать, сестренка.

- Я тоже, родная, - шепчу я, сглатывая горький комок. – Эй, хватит сырость разводить. Побежали веселиться, раз уж у меня на веселье осталось всего два оборота луны!

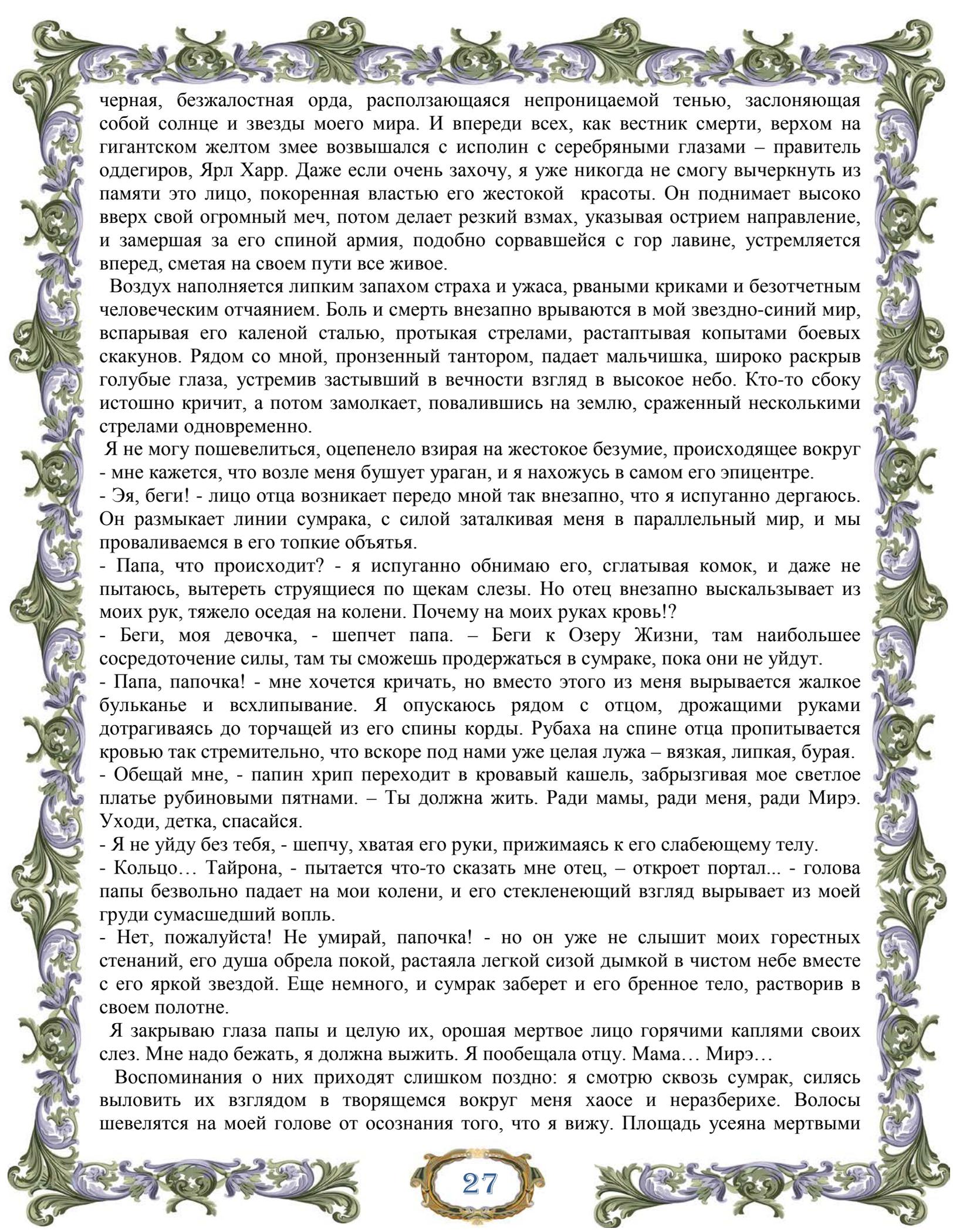
Мы с Мирэ хватаемся за руки и несемся по белым каменным лестницам дворца, запуская под его своды звонкое эхо наших счастливых голосов.

Улицы заполнены людьми, на их лицах - радостные улыбки, отовсюду льются шутки песни, смех. В воздухе летают мыльные пузыри, и, словно снег, на наши головы сыплются мелкие белые лепестки литории. Ближе к площади какофония голосов становится все сильнее, людей все больше, а музыка все громче. Нас с Мирэ подхватывает бурная людская река, вынося в круг хоровода. Мама с отцом, с бусами из цветов и венками на головах, выплывают в самом центре. Папа подхватывает мать на руки и быстро кружит ее, запрокинув голову к небу, заливаясь смехом.

Внезапно он останавливается, спуская маму с рук, напряженно всматриваясь в безоблачную высь. По его лицу ползет тень, сменяющаяся выражением ужаса, и я поднимаю глаза вверх, пытаюсь понять, что так испугало правителя Нарии.

По лазурному своду, усыпанному тысячами звезд, начинает расплзаться багрово-карминная лужа, словно кто-то ранил небо и оно истекает кровью. Лужа становится все шире и больше, а потом из нее лохматыми клочьями начинают кучиться клубы красного тумана.

Они появляются из воздуха, словно материализовавшиеся духи. Высокие, широкоплечие, свирепые, затянутые в черные одежды, перевитые кожаными ремнями, увешанными заточенными, как лезвия бритвы, танторами и кордами. Их так много -

черная, безжалостная орда, расплзающаяся непроницаемой тенью, заслоняющая собой солнце и звезды моего мира. И впереди всех, как вестник смерти, верхом на гигантском желтом змее возвышался с исполинскими серебряными глазами – правитель оддегиров, Ярл Харр. Даже если очень захочу, я уже никогда не смогу вычеркнуть из памяти это лицо, покоренная властью его жестокой красоты. Он поднимает высоко вверх свой огромный меч, потом делает резкий взмах, указывая острием направление, и замершая за его спиной армия, подобно сорвавшейся с гор лавине, устремляется вперед, сметая на своем пути все живое.

Воздух наполняется липким запахом страха и ужаса, рваными криками и безотчетным человеческим отчаянием. Боль и смерть внезапно врываются в мой звездно-синий мир, вспарывая его каленой сталью, протыкая стрелами, растаптывая копытами боевых скакунов. Рядом со мной, пронзенный тантором, падает мальчишка, широко раскрыв голубые глаза, устремив застывший в вечности взгляд в высокое небо. Кто-то сбоку истошно кричит, а потом замолкает, повалившись на землю, сраженный несколькими стрелами одновременно.

Я не могу пошевелиться, оцепенело взирая на жестокое безумие, происходящее вокруг – мне кажется, что возле меня бушует ураган, и я нахожусь в самом его эпицентре.

- Эя, беги! - лицо отца возникает передо мной так внезапно, что я испуганно дергаюсь. Он размыкает линии сумрака, с силой заталкивая меня в параллельный мир, и мы проваливаемся в его топкие объятия.

- Папа, что происходит? - я испуганно обнимаю его, сглатывая комок, и даже не пытаюсь, вытереть струящиеся по щекам слезы. Но отец внезапно выскользывает из моих рук, тяжело оседая на колени. Почему на моих руках кровь!?

- Беги, моя девочка, - шепчет папа. – Беги к Озеру Жизни, там наибольшее сосредоточение силы, там ты сможешь продержаться в сумраке, пока они не уйдут.

- Папа, папочка! - мне хочется кричать, но вместо этого из меня вырывается жалкое бульканье и всхлипывание. Я опускаюсь рядом с отцом, дрожащими руками дотрагиваясь до торчащей из его спины корды. Рубаха на спине отца пропитывается кровью так стремительно, что вскоре под нами уже целая лужа – вязкая, липкая, бурая.

- Обещай мне, - папин хрип переходит в кровавый кашель, забрызгивая мое светлое платье рубиновыми пятнами. – Ты должна жить. Ради мамы, ради меня, ради Мирэ. Уходи, детка, спасайся.

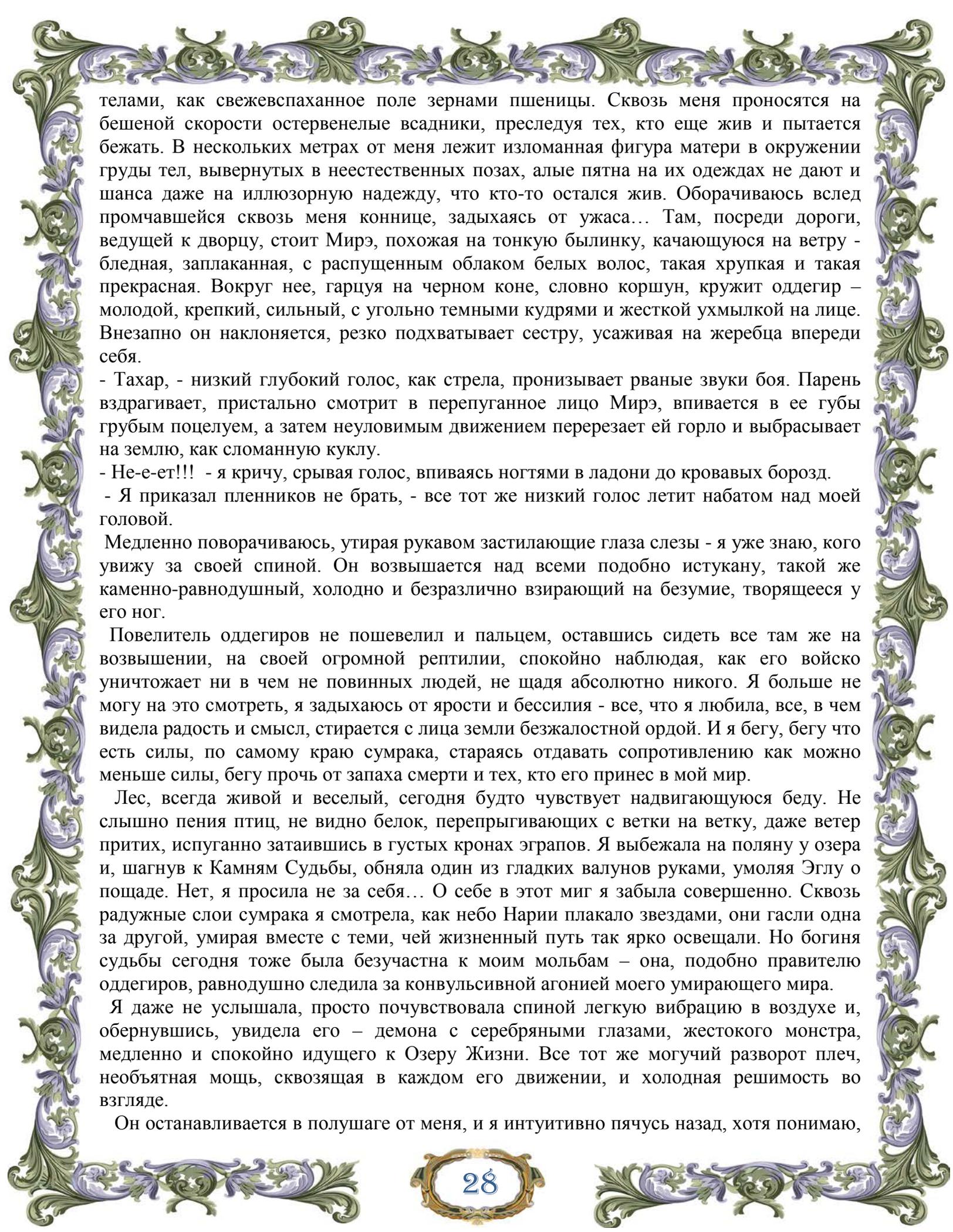
- Я не уйду без тебя, - шепчу, хватая его руки, прижимаясь к его слабющему телу.

- Кольцо... Тайрона, - пытается что-то сказать мне отец, – откроет портал... - голова папы безвольно падает на мои колени, и его стекленеющий взгляд вырывает из моей груди сумасшедший вопль.

- Нет, пожалуйста! Не умирай, папочка! - но он уже не слышит моих горестных стенаний, его душа обрела покой, растаяла легкой сизой дымкой в чистом небе вместе с его яркой звездой. Еще немного, и сумрак заберет и его брненное тело, растворив в своем полотне.

Я закрываю глаза папы и целую их, орошая мертвое лицо горячими каплями своих слез. Мне надо бежать, я должна выжить. Я пообещала отцу. Мама... Мирэ...

Воспоминания о них приходят слишком поздно: я смотрю сквозь сумрак, силясь выловить их взглядом в творящемся вокруг меня хаосе и неразберихе. Волосы шевелятся на моей голове от осознания того, что я вижу. Площадь усеяна мертвыми

телями, как свежевспаханное поле зернами пшеницы. Сквозь меня проносятся на бешеной скорости остервенелые всадники, преследуя тех, кто еще жив и пытается бежать. В нескольких метрах от меня лежит изломанная фигура матери в окружении груды тел, вывернутых в неестественных позах, алые пятна на их одеждах не дают и шанса даже на иллюзорную надежду, что кто-то остался жив. Оборачиваюсь вслед промчавшейся сквозь меня коннице, задыхаясь от ужаса... Там, посреди дороги, ведущей к дворцу, стоит Мирэ, похожая на тонкую былинку, качающуюся на ветру - бледная, заплаканная, с распущенным облаком белых волос, такая хрупкая и такая прекрасная. Вокруг нее, гарцуя на черном коне, словно коршун, кружит оддегир – молодой, крепкий, сильный, с угольно темными кудрями и жесткой ухмылкой на лице. Внезапно он наклоняется, резко подхватывает сестру, усаживая на жеребца впереди себя.

- Тахар, - низкий глубокий голос, как стрела, пронизывает рваные звуки боя. Парень вздрагивает, пристально смотрит в перепуганное лицо Мирэ, впивается в ее губы грубым поцелуем, а затем неумовимым движением перерезает ей горло и выбрасывает на землю, как сломанную куклу.

- Не-е-ет!!! - я кричу, срывая голос, впиваясь ногтями в ладони до кровавых борозд.

- Я приказал пленников не брать, - все тот же низкий голос летит набатом над моей головой.

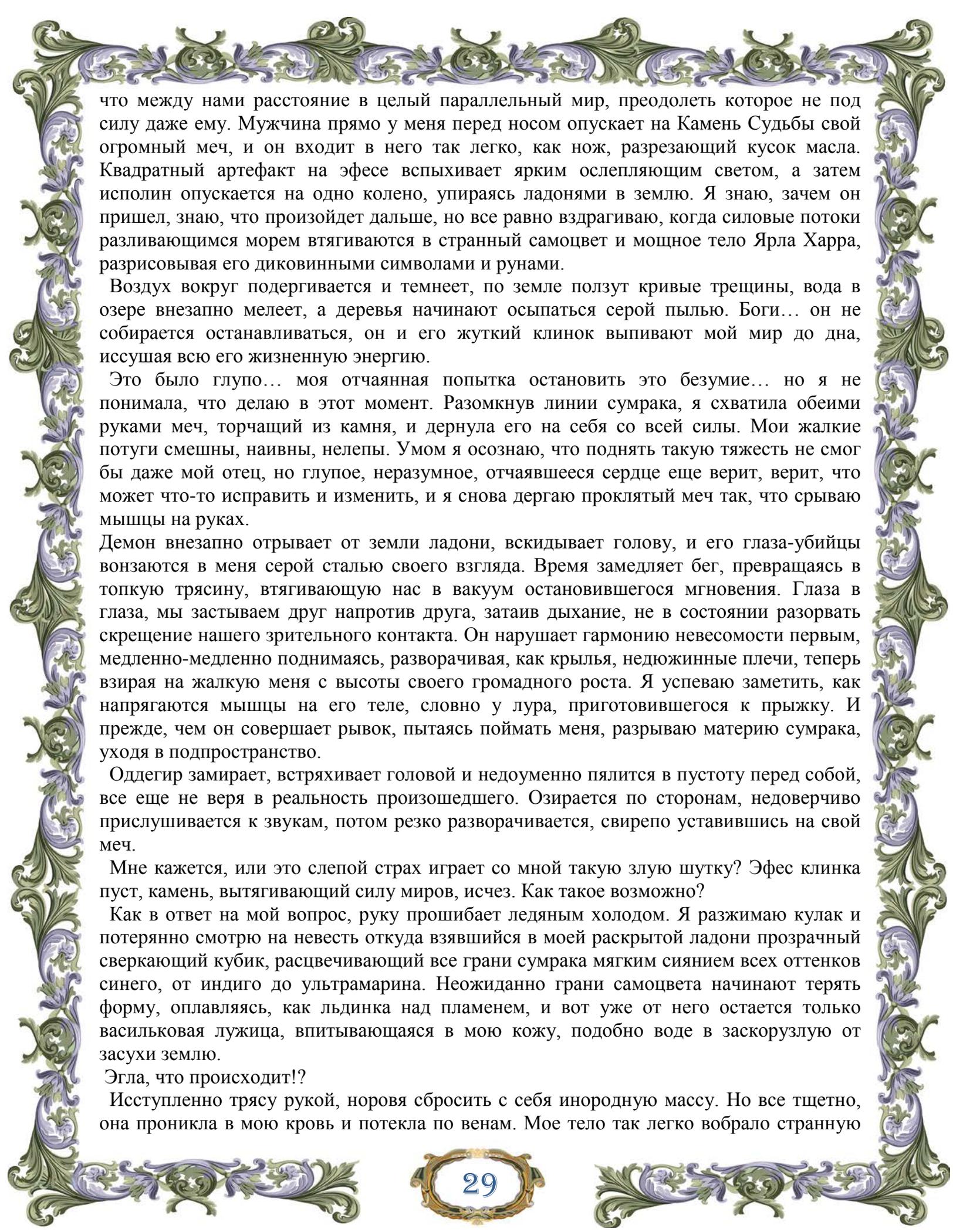
Медленно поворачиваюсь, утирая рукавом застилающие глаза слезы - я уже знаю, кого увижу за своей спиной. Он возвышается над всеми подобно истукану, такой же каменно-равнодушный, холодно и безразлично вззирающий на безумие, творящееся у его ног.

Повелитель оддегиров не пошевелил и пальцем, оставшись сидеть все там же на возвышении, на своей огромной рептилии, спокойно наблюдая, как его войско уничтожает ни в чем не повинных людей, не щадя абсолютно никого. Я больше не могу на это смотреть, я задыхаюсь от ярости и бессилия - все, что я любила, все, в чем видела радость и смысл, стирается с лица земли безжалостной ордой. И я бегу, бегу что есть силы, по самому краю сумрака, стараясь отдавать сопротивлению как можно меньше силы, бегу прочь от запаха смерти и тех, кто его принес в мой мир.

Лес, всегда живой и веселый, сегодня будто чувствует надвигающуюся беду. Не слышно пения птиц, не видно белок, перепрыгивающих с ветки на ветку, даже ветер притих, испуганно затаившись в густых кронах эграпов. Я выбежала на поляну у озера и, шагнув к Камням Судьбы, обняла один из гладких валунов руками, умоляя Эглу о пощаде. Нет, я просила не за себя... О себе в этот миг я забыла совершенно. Сквозь радужные слои сумрака я смотрела, как небо Нарии плакало звездами, они гасли одна за другой, умирая вместе с теми, чей жизненный путь так ярко освещали. Но богиня судьбы сегодня тоже была безучастна к моим мольбам – она, подобно правителю оддегиров, равнодушно следила за конвульсивной агонией моего умирающего мира.

Я даже не услышала, просто почувствовала спиной легкую вибрацию в воздухе и, обернувшись, увидела его – демона с серебряными глазами, жестокого монстра, медленно и спокойно идущего к Озеру Жизни. Все тот же могучий разворот плеч, необъятная мощь, сквозящая в каждом его движении, и холодная решимость во взгляде.

Он останавливается в полушаге от меня, и я интуитивно пчусь назад, хотя понимаю,

что между нами расстояние в целый параллельный мир, преодолеть которое не под силу даже ему. Мужчина прямо у меня перед носом опускает на Камень Судьбы свой огромный меч, и он входит в него так легко, как нож, разрезающий кусок масла. Квадратный артефакт на эфесе вспыхивает ярким ослепляющим светом, а затем исполин опускается на одно колено, упираясь ладонями в землю. Я знаю, зачем он пришел, знаю, что произойдет дальше, но все равно вздрагиваю, когда силовые потоки разливающимся морем втягиваются в странный самоцвет и мощное тело Ярла Харра, разрисовывая его диковинными символами и рунами.

Воздух вокруг подергивается и темнеет, по земле ползут кривые трещины, вода в озере внезапно мелеет, а деревья начинают осыпаться серой пылью. Боги... он не собирается останавливаться, он и его жуткий клинок выпивают мой мир до дна, иссушая всю его жизненную энергию.

Это было глупо... моя отчаянная попытка остановить это безумие... но я не понимала, что делаю в этот момент. Разомкнув линии сумрака, я схватила обеими руками меч, торчащий из камня, и дернула его на себя со всей силы. Мои жалкие потуги смешны, наивны, нелепы. Умом я осознаю, что поднять такую тяжесть не смог бы даже мой отец, но глупое, неразумное, отчаявшееся сердце еще верит, верит, что может что-то исправить и изменить, и я снова дергаю проклятый меч так, что срываю мышцы на руках.

Демон внезапно отрывает от земли ладони, вскидывает голову, и его глаза-убийцы вонзаются в меня серой сталью своего взгляда. Время замедляет бег, превращаясь в топкую трясиину, втягивающую нас в вакуум остановившегося мгновения. Глаза в глаза, мы застываем друг напротив друга, затаив дыхание, не в состоянии разорвать скрещение нашего зрительного контакта. Он нарушает гармонию невесомости первым, медленно-медленно поднимаясь, разворачивая, как крылья, недюжинные плечи, теперь взирая на жалкую меня с высоты своего громадного роста. Я успеваю заметить, как напрягаются мышцы на его теле, словно у лура, приготовившегося к прыжку. И прежде, чем он совершает рывок, пытаюсь поймать меня, разрываю материю сумрака, уходя в подпространство.

Оддегир замирает, встряхивает головой и недоуменно пялится в пустоту перед собой, все еще не веря в реальность произошедшего. Озирается по сторонам, недоверчиво прислушивается к звукам, потом резко разворачивается, свирепо уставившись на свой меч.

Мне кажется, или это слепой страх играет со мной такую злую шутку? Эфес клинка пуст, камень, вытягивающий силу миров, исчез. Как такое возможно?

Как в ответ на мой вопрос, руку прошибает ледяным холодом. Я разжимаю кулак и потерянно смотрю на невесть откуда взявшийся в моей раскрытой ладони прозрачный сверкающий кубик, расцветивающий все грани сумрака мягким сиянием всех оттенков синего, от индиго до ультрамарина. Неожиданно грани самоцвета начинают терять форму, оплавляясь, как льдинка над пламенем, и вот уже от него остается только васильковая лужица, впитывающаяся в мою кожу, подобно воде в заскорузлую от засухи землю.

Эгла, что происходит!?

Исступленно трясу рукой, норовя сбросить с себя инородную массу. Но все тщетно, она проникла в мою кровь и потекла по венам. Мое тело так легко вобрало странную

магию, быстро подстраиваясь под ее требовательные стандарты.

Грозное рычание выводит меня из состояния транса, и я заворожено взираю на правителя оддегиров, гневно выдергивающего меч из Камня Судьбы. Он похож на дикого зверя - огромного, остервенелого, разъяренного - жадно втягивающего ноздрями воздух, словно пытается вычислить меня, спрятавшуюся в слоях сумрака, по запаху. Я слышу его взбешенный рык, и от накатившей на меня волны ужаса зажимаю ладонью рот, глядя на то, как он кружит по поляне, кромсая своим огромным клинком Камни Судьбы. Завораживающее зрелище: жестокий танец стали и полубезумного мужчины,двигающегося в пространстве с такой скоростью, что сетчатка глаза не успевает улавливать нюансы.

Меч просвистывает в сантиметре от моего лица, а затем перерезает меня пополам, проходя насквозь. Он не причиняет вреда, его жуткий хозяин не может меня видеть, но я падаю на колени, ощущая всем сердцем его ярость, вложенную в удар. Оддегир останавливается, хрипло и тяжело дыша, бессильно опуская свое грозное оружие на землю, а затем, сложив на эфес руки, склоняет на них голову. Отчего-то теперь его поза кажется искореженной, сломанной, как будто все силы ушли на бой с тенью. Он стоит так несколько минут, устало сгорбив свои необъятные плечи, и кажется, что он уже не сможет разогнуться, придавленный суровой дланью судьбы, но это наивная иллюзия, потому что через мгновение он гордо распрямляет свою спину, упрямо поднимает голову и с вызовом бросает в потемневшие небеса:

- Я сам плету нить своей жизни, Эгла! У тебя нет власти надо мной. Ты уже не сможешь мне помешать. Я все равно услышу зов эктрали... - от его низкого, густого, властного голоса ледяной холод пробирает до самых костей.

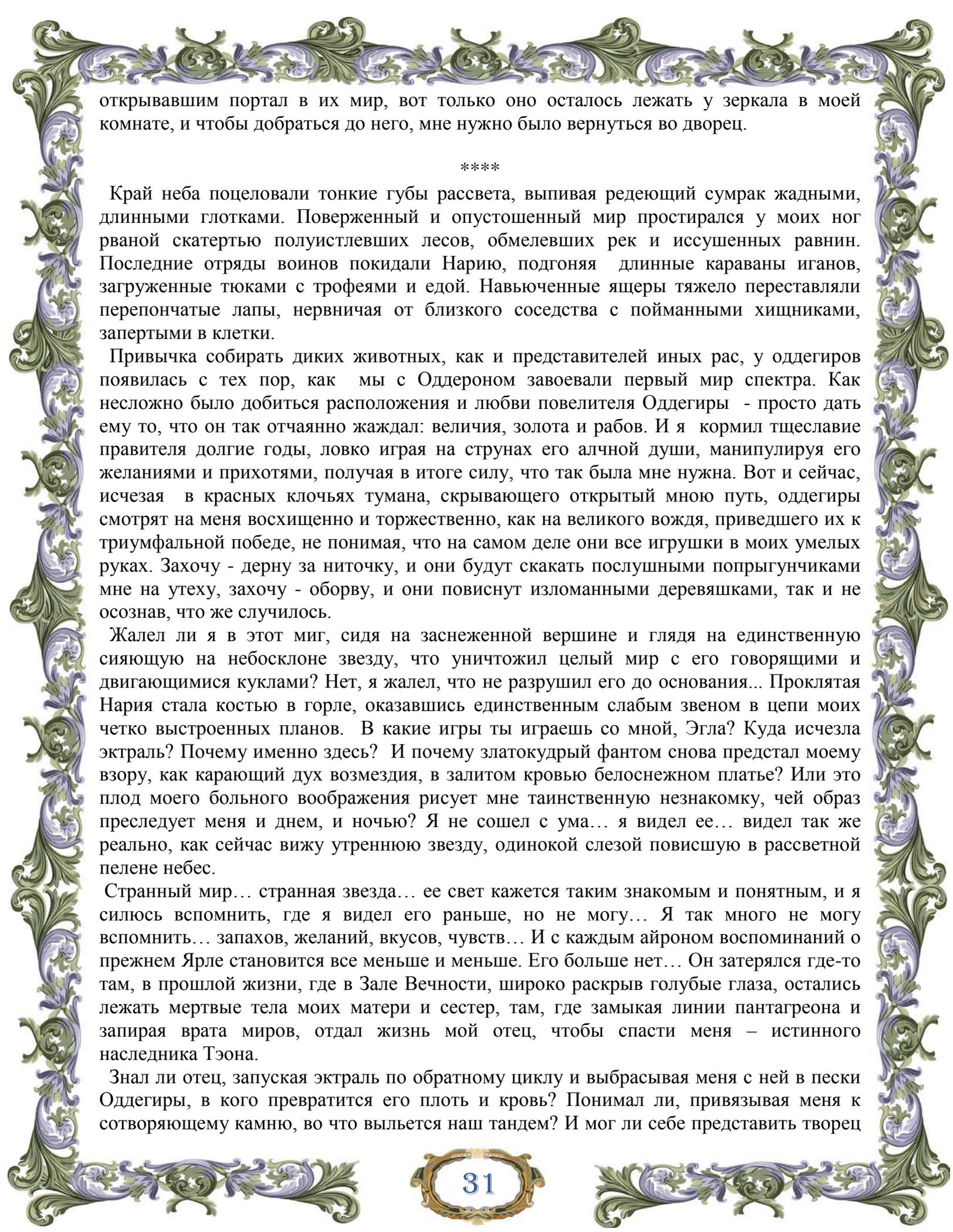
Ужасный мужчина еще несколько минут зорко оглядывается по сторонам, потом прячет свой жуткий клинок в ножны и не спеша покидает священный чертог, но прежде, чем исчезнуть за деревьями, он оборачивается снова, хищно всматриваясь в пустоту разгромленного им круга жизни.

Наверно, в этот миг мне было так страшно, что это чувство вытеснило из меня все остальные. Я не думала, не плакала, не вспоминала... Я сидела в сумраке и боялась только одного, чтобы песчаный демон не вернулся и не закончил делать то, что я ему так дерзновенно помешала.

Темнота стала надвигаться быстро, беспросветно, стремительно, словно расплзающееся по бумаге чернильное пятно. Небо, даже днем расписанное вязью тысяч сияющих звезд, сейчас было черным и непроглядным. Боги, они уничтожили всех...не пощадили никого, стерли с карты неба все звезды жизни! Они разрушили мой мир до основания. Куда мне идти? Куда бежать? Как жить дальше?

Это было странно... Я находилась в тонком мире очень долго, и по всем законам он должен был уже тянуть из меня силы, засасывая в глубокие слои, но я не чувствовала ни боли, ни слабости, ни усталости, как будто я находилась не за гранью, а просто сидела на берегу Озера Жизни и ждала наступления рассвета. Впервые в жизни я боялась восхода солнца, боялась, что в его ярких лучах ужас произошедшего навсегда запечатлется в моей памяти уродливым клеймом, которое рано или поздно приведет меня к безумию.

Мой воспаленный мозг отчаянно искал выход, и я вспомнила последние слова отца о Тайроне. Обручальное кольцо правителя Арзаров было мощным артефактом,

открывавшим портал в их мир, вот только оно осталось лежать у зеркала в моей комнате, и чтобы добраться до него, мне нужно было вернуться во дворец.

****

Край неба поцеловали тонкие губы рассвета, выпивая редеющий сумрак жадными, длинными глотками. Поверженный и опустошенный мир простирался у моих ног рваной скатертью полуистлевших лесов, обмелевших рек и иссушенных равнин. Последние отряды воинов покидали Нарию, подгоняя длинные караваны иганов, нагруженные тюками с трофеями и едой. Навьюченные ящеры тяжело переставляли перепончатые лапы, нервничая от близкого соседства с пойманными хищниками, запертыми в клетки.

Привычка собирать диких животных, как и представителей иных рас, у оддегиров появилась с тех пор, как мы с Оддероном завоевали первый мир спектра. Как несложно было добиться расположения и любви повелителя Оддегиры - просто дать ему то, что он так отчаянно жаждал: величия, золота и рабов. И я кормил тщеславие правителя долгие годы, ловко играя на струнах его алчной души, манипулируя его желаниями и прихотями, получая в итоге силу, что так была мне нужна. Вот и сейчас, исчезая в красных клочьях тумана, скрывающего открытый мною путь, оддегиры смотрят на меня восхищенно и торжественно, как на великого вождя, приведшего их к триумфальной победе, не понимая, что на самом деле они все игрушки в моих умелых руках. Захочу - дерну за ниточку, и они будут скакать послушными попрыгунчиками мне на утеху, захочу - оборву, и они повиснут изломанными деревяшками, так и не осознав, что же случилось.

Жалел ли я в этот миг, сидя на заснеженной вершине и глядя на единственную сияющую на небосклоне звезду, что уничтожил целый мир с его говорящими и двигающимися куклами? Нет, я жалел, что не разрушил его до основания... Проклятая Нария стала костью в горле, оказавшись единственным слабым звеном в цепи моих четко выстроенных планов. В какие игры ты играешь со мной, Эгла? Куда исчезла эктраль? Почему именно здесь? И почему златокудрый фантом снова предстал моему взору, как карающий дух возмездия, в залитом кровью белоснежном платье? Или это плод моего больного воображения рисует мне таинственную незнакомку, чей образ преследует меня и днем, и ночью? Я не сошел с ума... я видел ее... видел так же реально, как сейчас вижу утреннюю звезду, одинокой слезой повисшую в рассветной пелене небес.

Станный мир... странная звезда... ее свет кажется таким знакомым и понятным, и я силось вспомнить, где я видел его раньше, но не могу... Я так много не могу вспомнить... запахов, желаний, вкусов, чувств... И с каждым айроном воспоминаний о прежнем Ярле становится все меньше и меньше. Его больше нет... Он затерялся где-то там, в прошлой жизни, где в Зале Вечности, широко раскрыв голубые глаза, остались лежать мертвые тела моих матери и сестер, там, где замыкая линии пантагреона и запирая врата миров, отдал жизнь мой отец, чтобы спасти меня - истинного наследника Тэона.

Знал ли отец, запуская эктраль по обратному циклу и выбрасывая меня с ней в пески Оддегиры, в кого превратится его плоть и кровь? Понимал ли, привязывая меня к сотворяющему камню, во что выльется наш тандем? И мог ли себе представить творец

спектра миров Ррайд, что его сын станет хладнокровным монстром, безжалостным чудовищем, разрушающим все, что он создавал с такой любовью? Наверное, нет... возможно, тогда он просто сам прикончил бы меня, не дожидаясь, пока это сделают его братья. Иногда я и сам думаю, что так было бы правильнее.

Чем я лучше тех, кто предал безграничную веру Антариона Эллера? Я такой же беспощадный убийца, как и они, с той лишь разницей, что я стал таким благодаря им. Я - чудовищное порождение их подлости и коварства. И как только чудовище доберется до врат миров и взломает щит, его демиурги пожалеют, что не перерезали себе глотки в тот день, когда создали свое уродливое исчадие. Рано или поздно эктраль приведет меня к порогу моего дома, я услышу ее зов даже на другом конце бесконечной парадигмальной матрицы.

И все же не могу понять, почему исчез камень? Вероятно, я нарушил заданную эктрали программу, вобрав энергию мира, стоящего на последующем витке спирали? Я ошибся... первый раз за столько айронов... Но эктраль исправит мой промах, устранив сбой в цикличности - отец предусмотрел и это, наполнив пантагреон своей кровью. Созидающий камень миров слушается только своего хозяина, как и я, связанный с ним неразрывными узами.

Надо убираться отсюда, этот мир с его единственной звездой наводит меня на странные мысли, заставляя оглядываться назад, сожалея о содеянном. А я не привык сожалеть о чем-то.

Свет утренней звезды становится все ярче с восходом солнца, и я вдруг понимаю, что он мне напоминает – синие глаза златокудрого призрака, навязчивой марью вьевшегося в мой разум и медленно сводящего меня с ума. В прошлый раз она тоже появилась у Камней Судьбы. Надо будет вернуться в Арзарию. Почему у меня такое чувство, что ее правитель мне солгал?

Мне пора. Сжав рукоять меча миров, я развернул пространство, шагнув в открытый путь, и сияющая воронка мягко выпустила меня на белое покрывало песков, овев лицо привычным зноем. Длинные обозы, поднимающие пыльные вихри, жирными змеями вились между желтых скал, медленно приближаясь к Кадгагару. В красных лучах солнца островерхие замки и храмы столицы, сложенные из белого камня, кажутся огромными окровавленными зубами гигантского песчаного червя, вытянувшего к небу хищную разъявленную пасть прямо посреди живописного оазиса, закрытого от иссушающих ветров Оддегиры изломанными хребтами северных гор.

Геккон бесшумно подполз мне под ноги, услужливо распластавшись у них пятнистым ковром. Пустынный змей двадцать айронов назад подобрал меня, голодного и обессиленного, в песках забвения, вытащив на своей чешуйчатой спине с острым, как тантор, шипастым гребнем, к водяным пещерам, где в тот момент находился правитель Оддерон. Гекконы священны, им подвластны сущности пустыни, и повелитель мира песков, увидав маленького мальчика верхом на огромной желтой рептилии, еще и в окружении духов, посчитал его посланником небес, избранным, даром богов, сыном, о котором он так долго мечтал. Тогда я думал, что это совпадение, воля провидения и счастливая улыбка судьбы, но сегодня знаю, что мой отец предусмотрел все до мелочей, выбрасывая меня из сказочно прекрасного Тэона в раскаленную землю Оддегиры.

Никогда не забуду момента, когда мы с Оддероном въехали на гекконе в столицу. В

восторженной мальчишеской памяти навсегда запечатлелись суровые воины, женщины, старики и дети, опускающиеся перед нами на колени, выкрикивающие звонкое «эндорр» – спаситель. В каком-то смысле я и стал для Оддегиры спасителем, открывшим им пути между гранями спектра. Раскаленный мир песков отчаянно нуждался в еде, воде и ресурсах. Сильная, могучая раса постепенно вымирала, зажата со всех сторон в жаркие тиски пустыни. Цветущих оазисов с каждым айроном становилось все меньше, а песков все больше, даже Озеро Жизни в священном чертоге иссохло наполовину, и приближаться к нему разрешено было только правителю и членам его семьи.

Каково же было мое удивление, когда Оддерон, приведший меня к Камню Судьбы, показал мне торчащий из него меч Антариона с впаянной в него эктралью, упавший с неба несколько лун назад. Еще большим было удивление повелителя Оддегиры, когда тощий мальчишка одной рукой вытянул неподъемный клинок и, выпустив магию эктралей, наполнил пересохшее озеро водой до краев. Сила сотворяющего камня дала Оддегире новую жизнь, и Оддерон объявил меч и артефакт даром Эглы и собственностью мира песков, а меня его хранителем.

Но эктраль не могла питать мир красного солнца вечно, заданная пантагреоном программа требовала собрать энергию всех созданных ею миров, а я для того, чтобы вернуть силу отца, должен был следовать ее зову. Спустя два айрона, эктраль вышла на первый виток. В ту луну мне пришлось показать повелителю Оддерону, как меч моего отца, разрывая пространство, прокладывает пути между мирами, в ту луну ринувшаяся за мной следом армия оддегиров, покорила первый из спектра Ррайд мир.

Кем я себя ощущал в тот момент? Победителем, вставшим на путь возмездия? Нет... Никто не знает, как сильно ненавидел себя маленький мальчик, глядя на то, как остервенелая, дикая орда уничтожает все, что создал его отец. С всеобъемлющей ненавистью к самому себе, переполнявшей мою душу тогда, может сравниться только такая же холодная пустота, поселившаяся в ней сейчас. Жалость – слабость, жалость мешает идти вперед, не сворачивая с намеченного пути... Отец предусмотрел и это: чем больше я пил энергию миров, тем меньше мне было дела до тех, чьи жизни я забирал ради высокой цели вернуть себе трон Тэона. Чувства в обмен на силу – такова плата за право снова стать тем, кем мне предназначено быть по праву рождения.

Геккон поднял свою огромную морду, преданно вглядываясь в мои глаза. Я слишком много думаю не о том в последнее время... Прочь сомнения. Вскочив на спину рептилии, я ухватился за гребень, и змей рванул вперед со скоростью песчаной бури, догоняя идущих в самом начале каравана генералов армии. Хрог Саруса черной тенью пролетел над головой, а затем с тихим клекотом опустился на мое плечо. Меня о чем-то хотят предупредить... Интересно, чем могут быть недовольны мои подданные, возвращаясь домой, нагруженные богатой добычей?

- Аххарр, притормози, - похлопал рукой по гладкой шее геккона и внимательно стал всматриваться в широкие спины впереди идущих воинов. Ледон и Атирэс беззаботно болтают, Дарг что-то произносит, и в ответ на его реплику все его окружение начинает весело хохотать. Нет... не туда смотрю. Сарус поворачивает голову вправо - спина и шея напряжены, нет сомнений, что он внимательно прислушивается к чьему-то разговору. Кто там у нас по правую руку? Тахар... юные сопляки из его крыла согласно кивают, внемля каждому его слову. Что на этот раз задумал мерзкий ценнок?

- Тахар, - мальчишка вздрагивает, услышав мой резкий окрик за своей спиной. Его шавки, завидев меня, исчезают так же быстро, как капля влаги на выжженной солнцем земле. Племянник Оддерона упирается в меня своим злым взглядом, и я пью его ненависть, как бокал старинного лляйра, наслаждаясь каждым глотком.

- Мне показалось, или ты снова пытаешься копать под меня яму?

- Я сказал лишь правду, повелитель Ярл. Ты не имеешь права обвинять меня за это в измене, - глаз Тахара нервно передергивается, и я расплываюсь в ехидной улыбке.

- И в чем же твоя правда, Тахар?

- Ты не вправе менять законы Оддегиры без согласия кварда.

- Какой же закон я нарушил, мой юный эорд? – мой откровенно издевательский тон выводит мальчишку из себя. Впрочем, сдержанностью он никогда не отличался, в этом и есть его главная ошибка – голова всегда должна быть холодной.

- Право воинов на добычу, - зло выплевывает Тахар, и я начинаю понимать, что так огорчило парня.

- Ты загрузил сотню иганов золотом, едой, оружием и животными, и смеешь упрекать меня в чем-то только потому, что тебе не разрешили взять с собой красивую игрушку?

- Оддегиры всегда брали рабов, таков обычай. Оддерон никогда не нарушал традиций.

- Я не Оддерон. Я Ярл Харр, твой повелитель, избранный Шаа. Ты сам захотел, чтобы я бросил камень в Чашу Жизни. Прорицатель дал мне знак, что нарийцы угроза для Оддегиры. Я устранил угрозу.

- Это ты так говоришь, - гаденыш прожигает меня яростным взглядом, подвергая сомнению правдивость моих слов. – Никто, кроме тебя, этого не слышал.

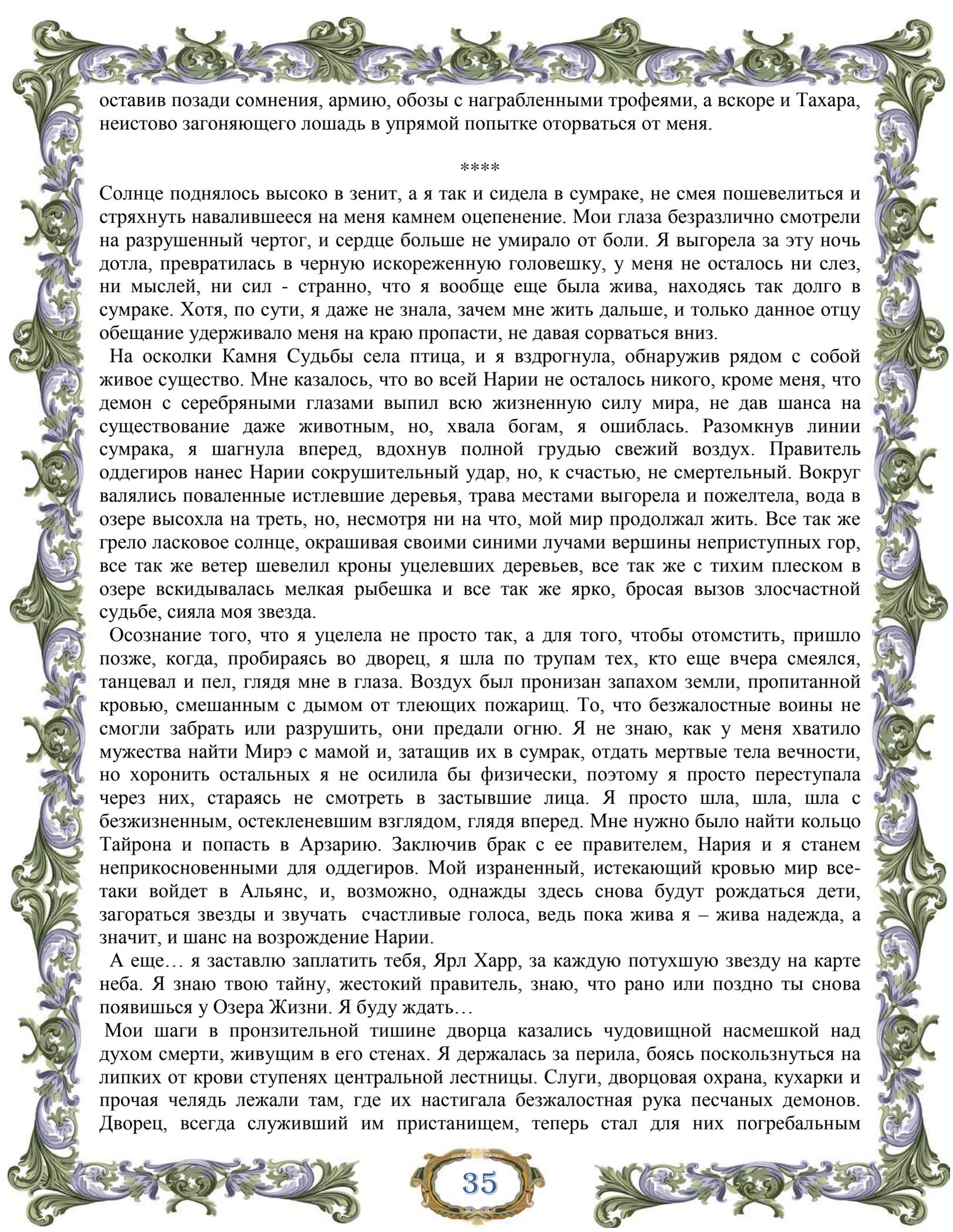
- Я предлагал пойти тебе в Сад Теней. Может, тогда бы ты услышал больше, чем я, - от моего ледяного тона мальчишка опускает глаза, ему нечем возразить. - Я избавил тебя от позора, сделав выбор. Более того, я не наказал тебя за открытое противостояние, и такова твоя благодарность? Как ты думаешь, Тахар, чью сторону примет квард? Мою, когда я расскажу, что внял пророчеству Шаа, или твою, если я поведаю высочайшему собранию, что все твои претензии ко мне - всего лишь из-за смазливой девки?

Тахар резко вскидывает голову, и я безжалостно добиваю его своими словами.

- Тебя засмеют, эорд. Те, кому ты только что нашептывал об их священном праве на рабов завоеванного мира, отвернутся от тебя первыми, узнав, насколько ты слаб на передок и ноешь, как баба, из-за того, что у тебя отняли постельную утеху. Не позорься, сынок. В твоём караване столько золота и камней, что на Гаронне ты сможешь купить за них сотни красавиц.

Тахар ожесточенно ударяет ногами по крупу своего скакуна и, вздымая за собой облако пыли, мчится к столице на бешеной скорости, не желая больше вести со мной беседу. Мне понятна его злость, сам такой - не люблю расставаться с тем, что считаю своим. Странная мысль вдруг приходит мне в голову: а что, если бы на месте той девушки стояла другая?.. Позволил бы я убить ее так же хладнокровно? И все внутри меня превращается в вязкую льющуюся смолу, забивающую мои мышцы горячей яростью. Я убил бы любого, кто притронулся бы к ней хоть пальцем... вонючий драгг. Я болен и схожу с ума, мечтая о призраке, я ничем не лучше Тахара, с той лишь разницей, что понравившаяся ему женщина, по крайней мере, хоть действительно существовала.

- Аххарр, домой,- змей совершает плавный рывок, и я устремляюсь к Каддагару,

оставив позади сомнения, армию, обозы с награбленными трофеями, а вскоре и Тахара, неистово загоняющего лошадь в упрямой попытке оторваться от меня.

****

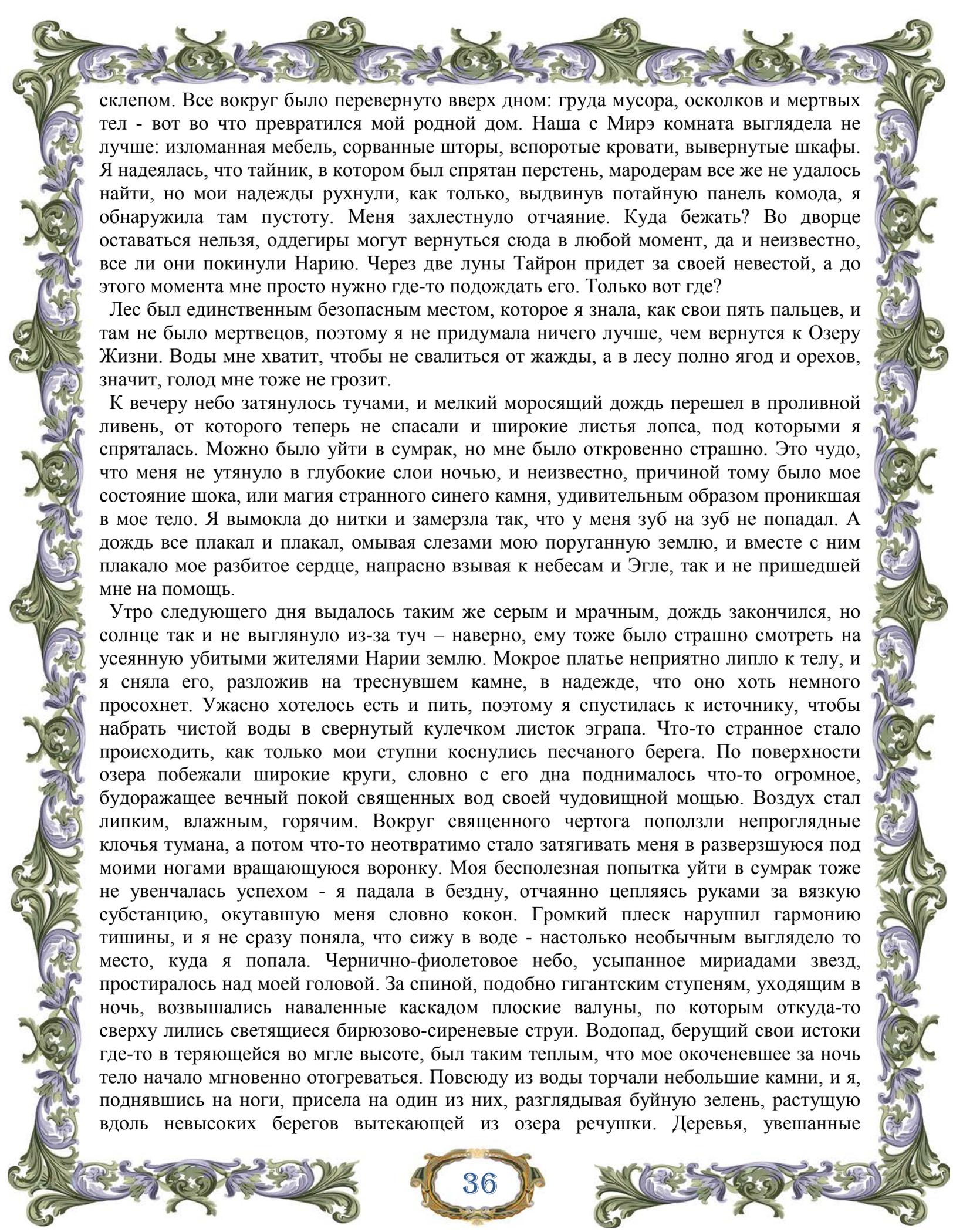
Солнце поднялось высоко в зенит, а я так и сидела в сумраке, не смея пошевелиться и стряхнуть навалившееся на меня камнем оцепенение. Мои глаза безразлично смотрели на разрушенный чертог, и сердце больше не умирало от боли. Я выгорела за эту ночь дотла, превратилась в черную искореженную головешку, у меня не осталось ни слез, ни мыслей, ни сил - странно, что я вообще еще была жива, находясь так долго в сумраке. Хотя, по сути, я даже не знала, зачем мне жить дальше, и только данное отцу обещание удерживало меня на краю пропасти, не давая сорваться вниз.

На осколки Камня Судьбы села птица, и я вздрогнула, обнаружив рядом с собой живое существо. Мне казалось, что во всей Нарии не осталось никого, кроме меня, что демон с серебряными глазами выпил всю жизненную силу мира, не дав шанса на существование даже животным, но, хвала богам, я ошиблась. Разомкнув линии сумрака, я шагнула вперед, вдохнув полной грудью свежий воздух. Правитель оддегиров нанес Нарии сокрушительный удар, но, к счастью, не смертельный. Вокруг валялись поваленные истлевшие деревья, трава местами выгорела и пожелтела, вода в озере высохла на треть, но, несмотря ни на что, мой мир продолжал жить. Все так же грело ласковое солнце, окрашивая своими синими лучами вершины неприступных гор, все так же ветер шевелил кроны уцелевших деревьев, все так же с тихим плеском в озере вскидывалась мелкая рыбешка и все так же ярко, бросая вызов злосчастной судьбе, сияла моя звезда.

Осознание того, что я уцелела не просто так, а для того, чтобы отомстить, пришло позже, когда, пробираясь во дворец, я шла по трупам тех, кто еще вчера смеялся, танцевал и пел, глядя мне в глаза. Воздух был пронизан запахом земли, пропитанной кровью, смешанным с дымом от тлеющих пожарниц. То, что безжалостные воины не смогли забрать или разрушить, они предали огню. Я не знаю, как у меня хватило мужества найти Мирэ с мамой и, затащив их в сумрак, отдать мертвые тела вечности, но хоронить остальных я не осилила бы физически, поэтому я просто переступала через них, стараясь не смотреть в застывшие лица. Я просто шла, шла, шла с безжизненным, остекленевшим взглядом, глядя вперед. Мне нужно было найти кольцо Тайрона и попасть в Арзарию. Заключение брака с ее правителем, Нария и я станем неприкосновенными для оддегиров. Мой израненный, истекающий кровью мир все-таки войдет в Альянс, и, возможно, однажды здесь снова будут рождаться дети, загораться звезды и звучать счастливые голоса, ведь пока жива я – жива надежда, а значит, и шанс на возрождение Нарии.

А еще... я заставлю заплатить тебя, Ярл Харр, за каждую потухшую звезду на карте неба. Я знаю твою тайну, жестокий правитель, знаю, что рано или поздно ты снова появишься у Озера Жизни. Я буду ждать...

Мои шаги в пронзительной тишине дворца казались чудовищной насмешкой над духом смерти, живущим в его стенах. Я держалась за перила, боясь поскользнуться на липких от крови ступенях центральной лестницы. Слуги, дворцовая охрана, кухарки и прочая челядь лежали там, где их настигала безжалостная рука песчаных демонов. Дворец, всегда служивший им пристанищем, теперь стал для них погребальным

склепом. Все вокруг было перевернуто вверх дном: гряда мусора, осколков и мертвых тел - вот во что превратился мой родной дом. Наша с Мирэ комната выглядела не лучше: изломанная мебель, сорванные шторы, испорченные кровати, вывернутые шкафы. Я надеялась, что тайник, в котором был спрятан перстень, мародерам все же не удалось найти, но мои надежды рухнули, как только, выдвинув потайную панель комода, я обнаружила там пустоту. Меня захлестнуло отчаяние. Куда бежать? Во дворце оставаться нельзя, одежиры могут вернуться сюда в любой момент, да и неизвестно, все ли они покинули Нарию. Через две луны Тайрон придет за своей невестой, а до этого момента мне просто нужно где-то подождать его. Только вот где?

Лес был единственным безопасным местом, которое я знала, как свои пять пальцев, и там не было мертвецов, поэтому я не придумала ничего лучше, чем вернуться к Озеру Жизни. Воды мне хватит, чтобы не свалиться от жажды, а в лесу полно ягод и орехов, значит, голод мне тоже не грозит.

К вечеру небо затянулось тучами, и мелкий моросящий дождь перешел в проливной ливень, от которого теперь не спасали и широкие листья лопса, под которыми я спряталась. Можно было уйти в сумрак, но мне было откровенно страшно. Это чудо, что меня не утянуло в глубокие слои ночью, и неизвестно, причиной тому было мое состояние шока, или магия странного синего камня, удивительным образом проникшая в мое тело. Я вымокла до нитки и замерзла так, что у меня зуб на зуб не попадал. А дождь все плакал и плакал, омывая слезами мою поруганную землю, и вместе с ним плакало мое разбитое сердце, напрасно взывая к небесам и Эгле, так и не пришедшей мне на помощь.

Утро следующего дня выдалось таким же серым и мрачным, дождь закончился, но солнце так и не выглянуло из-за туч – наверно, ему тоже было страшно смотреть на усеянную убитыми жителями Нарии землю. Мокрое платье неприятно липло к телу, и я сняла его, разложив на треснувшем камне, в надежде, что оно хоть немного просохнет. Ужасно хотелось есть и пить, поэтому я спустилась к источнику, чтобы набрать чистой воды в свернутый кулечком листок эграпа. Что-то странное стало происходить, как только мои ступни коснулись песчаного берега. По поверхности озера побежали широкие круги, словно с его дна поднималось что-то огромное, будоражащее вечный покой священных вод своей чудовищной мощью. Воздух стал липким, влажным, горячим. Вокруг священного чертога поползли непроглядные клочья тумана, а потом что-то неотвратимо стало затягивать меня в разверзшуюся под моими ногами вращающуюся воронку. Моя бесполезная попытка уйти в сумрак тоже не увенчалась успехом - я падала в бездну, отчаянно цепляясь руками за вязкую субстанцию, окутавшую меня словно кокон. Громкий плеск нарушил гармонию тишины, и я не сразу поняла, что сижу в воде - настолько необычным выглядело то место, куда я попала. Чернично-фиолетовое небо, усыпанное мириадами звезд, простиралось над моей головой. За спиной, подобно гигантским ступеням, уходящим в ночь, возвышались наваленные каскадом плоские валуны, по которым откуда-то сверху лились светящиеся бирюзово-сиреневые струи. Водопад, берущий свои истоки где-то в теряющейся во мгле высоте, был таким теплым, что мое окоченевшее за ночь тело начало мгновенно отогреваться. Повсюду из воды торчали небольшие камни, и я, поднявшись на ноги, присела на один из них, разглядывая буйную зелень, растущую вдоль невысоких берегов вытекающей из озера речушки. Деревья, увешанные

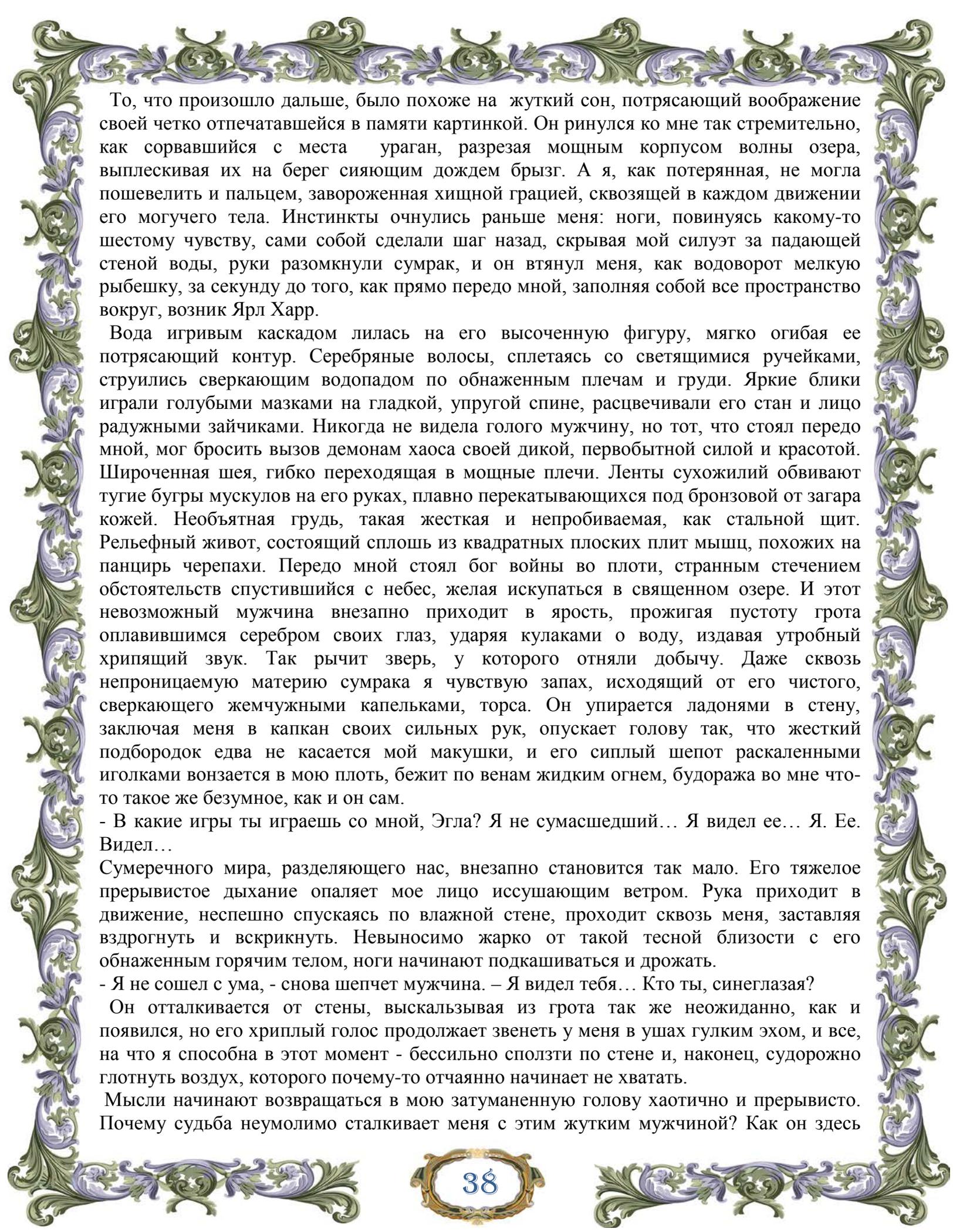

диковинными плодами, развесистыми ветвями нависали над водоемом, укрывая его от посторонних глаз. Не было сомнений, что это было Озеро Жизни, только мир, в котором оно находилось, мне был неведом, по крайней мере, я не слышала никогда ни о чем подобном. Рядом со мной, шумно плюхнувшись о светящуюся гладь, упал большой круглый плод. Вытянула его из воды и, немного покрутив в руках, понюхала. Пахло так вкусно, что рот мгновенно наполнился слюной, а пустой желудок издал жалобный урчащий звук, требуя прекратить его муки. Сомнения терзали меня недолго, терять-то все равно было нечего, и, вгрызшись зубами в сочную мякоть, я стала жадно поглощать свалившуюся мне на голову пищу. Все же лучше умереть сытой, отравившись вкусной едой, чем корчиться в судорогах, уморив себя голодом. Штуковина, которую я ела, оказалась безумно сладкой и сочной, так что я убила двух зайцев сразу: утолила и голод, и мучающую меня жажду. Правда, при этом пострадала последняя оставшаяся на мне одежда: тонкая батистовая сорочка сплошь была заляпана фиолетовыми пятнами. И хотя она сейчас, намочнув и облепив меня, просвечивалась, как стекло, ни капельки не скрывая моего тела, снимать и стирать ее я не решилась. Непонятно, куда меня занесет в следующий раз, а появляться в незнакомом мире абсолютно голой было слишком даже для такой отчаявшейся особы, как я. Единственное, что пришло мне на ум, это попытаться отмыться, стоя под водопадом. Поэтому, поднявшись вверх по реке, я нырнула в образовавшуюся от падения воды чашу и, подплыв к льющимся сверху потокам, подставила им свои измазанные соком лицо и грудь.

Удивительно, какой приятной и горячей была вода - источник жизни, ко всему прочему, был еще и термальным. Уходить не хотелось совсем, тепло окутало меня убаюкивающими нежными руками, снимая с моих напряженных плеч груз усталости, тяжести и тревоги своим неспешным натиском. Я закрыла глаза, блаженно улыбаясь, тая от неги, растекающейся в крови тлеющим жаром. Веки стали тяжелыми, непослушными - сказывались сутки бессонницы и пережитого ужаса. За стеной летящей воды была небольшая ниша, и укутанная теплым паром, исходящим от источника, я могла бы здесь выспаться и отдохнуть. Могла бы... И, наверно, я бы так и сделала, если бы не одно обстоятельство, обнаруженное мною совершенно случайно...

Всего в нескольких шагах от меня, возвышаясь над водой монолитной глыбой, стоял мужчина... Огромный, обнаженный мужчина... Не просто мужчина, а повелитель жестоких воинов песков - Ярл Харр... Я не поняла, как он смог подобраться ко мне так близко, видимо, расслабившись и разомлев, я совершенно потеряла бдительность.

Он был похож на каменного истукана, каким-то невероятным образом поднявшегося со дна озера, настолько неподвижной и застывшей выглядела его напряженная поза, и только тяжело вздымающаяся грудь и неестественно сверкающие глаза выдавали бешено бьющийся в нем пульс жизни. Он смотрел на меня молча, пристально, высоко вскинув бровь, и его алчный безумный взгляд не обещал ничего хорошего. Он скользил по моему телу танцующими языками пламени, бросая меня то в холод, то в жар. Остатки моей ничего не скрывающей одежды давно расползлись под этим испепеляющим взглядом, и теперь его бесстыжие глаза жадно оглаживали мои губы, шею, грудь, спускались вниз по животу, к месту, запретному для чужого мужчины. Мое лицо стала заливать краска стыда, и я интуитивно прикрыла выставленную на показ наготу руками.

То, что произошло дальше, было похоже на жуткий сон, потрясающий воображение своей четко отпечатавшейся в памяти картинкой. Он ринулся ко мне так стремительно, как сорвавшийся с места ураган, разрезая мощным корпусом волны озера, выплескивая их на берег сияющим дождем брызг. А я, как потерянная, не могла пошевелить и пальцем, завороченная хищной грацией, сквозящей в каждом движении его могучего тела. Инстинкты очнулись раньше меня: ноги, повинаясь какому-то шестому чувству, сами собой сделали шаг назад, скрывая мой силуэт за падающей стеной воды, руки разомкнули сумрак, и он втянул меня, как водоворот мелкую рыбешку, за секунду до того, как прямо передо мной, заполняя собой все пространство вокруг, возник Ярл Харр.

Вода игривым каскадом лилась на его высоченную фигуру, мягко огибая ее потрясающий контур. Серебряные волосы, сплетаясь со светящимися ручейками, струились сверкающим водопадом по обнаженным плечам и груди. Яркие блики играли голубыми мазками на гладкой, упругой спине, расцвечивали его стан и лицо радужными зайчиками. Никогда не видела голого мужчину, но тот, что стоял передо мной, мог бросить вызов демонам хаоса своей дикой, первобытной силой и красотой. Широкая шея, гибко переходящая в мощные плечи. Ленты сухожилий обвивают тугие бугры мускулов на его руках, плавно перекачивающихся под бронзовой от загара кожей. Необъятная грудь, такая жесткая и непробиваемая, как стальной щит. Рельефный живот, состоящий сплошь из квадратных плоских плит мышц, похожих на панцирь черепахи. Передо мной стоял бог войны во плоти, странным стечением обстоятельств спустившийся с небес, желая искупаться в священном озере. И этот невозможный мужчина внезапно приходит в ярость, прожигая пустоту грота оплавленным серебром своих глаз, ударяя кулаками о воду, издавая утробный хрипящий звук. Так рычит зверь, у которого отняли добычу. Даже сквозь непроницаемую материю сумрака я чувствую запах, исходящий от его чистого, сверкающего жемчужными капельками, торса. Он упирается ладонями в стену, заключая меня в капкан своих сильных рук, опускает голову так, что жесткий подбородок едва не касается мой макушки, и его сиплый шепот раскаленными иглами вонзается в мою плоть, бежит по венам жидким огнем, будоража во мне что-то такое же безумное, как и он сам.

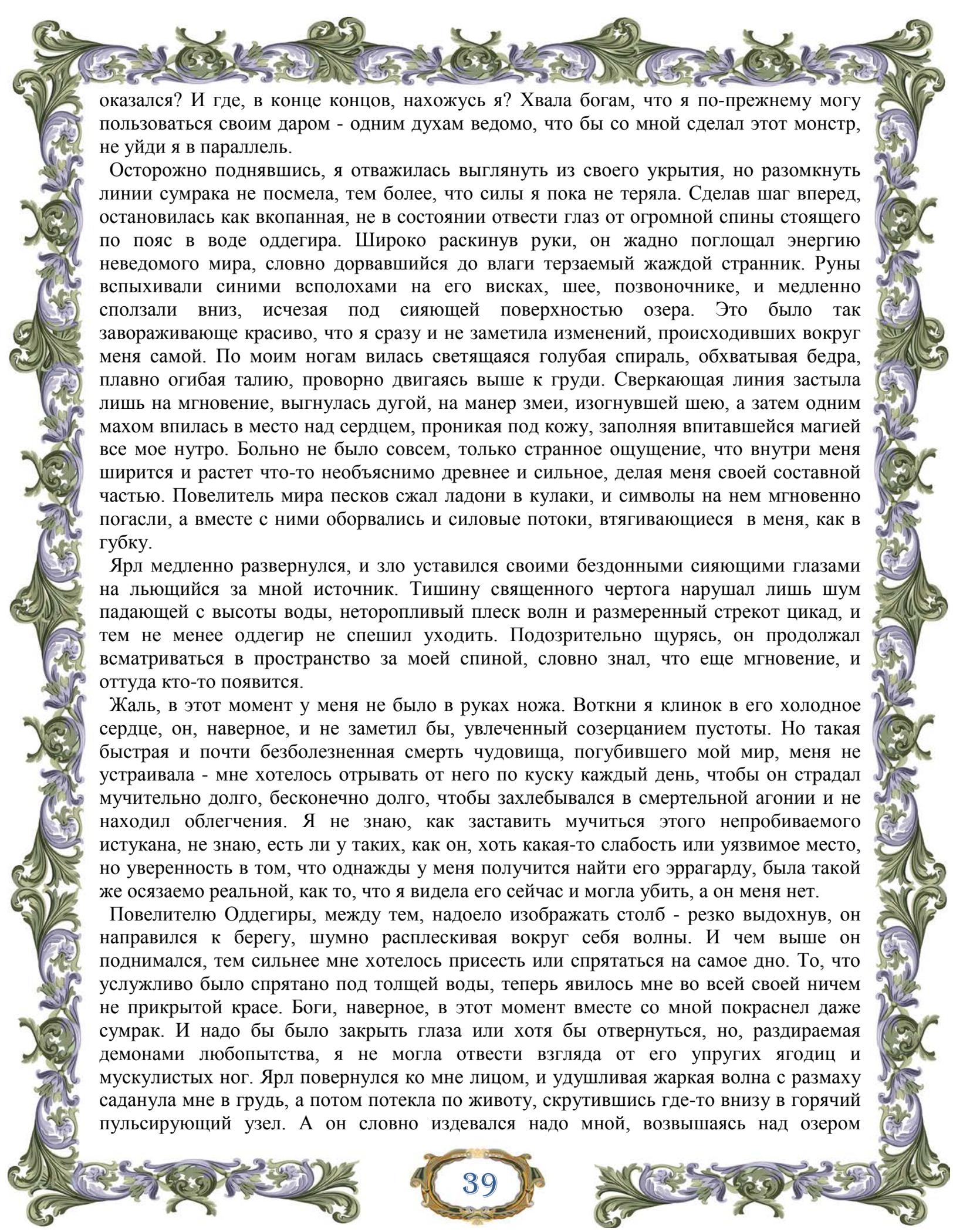
- В какие игры ты играешь со мной, Эгла? Я не сумасшедший... Я видел ее... Я. Ее. Видел...

Сумеречного мира, разделяющего нас, внезапно становится так мало. Его тяжелое прерывистое дыхание опалает мое лицо иссушающим ветром. Рука приходит в движение, неспешно спускаясь по влажной стене, проходит сквозь меня, заставляя вздрогнуть и вскрикнуть. Невыносимо жарко от такой тесной близости с его обнаженным горячим телом, ноги начинают подкашиваться и дрожать.

- Я не сошел с ума, - снова шепчет мужчина. – Я видел тебя... Кто ты, синеглазая?

Он отталкивается от стены, выскользывая из грота так же неожиданно, как и появился, но его хриплый голос продолжает звенеть у меня в ушах гулким эхом, и все, на что я способна в этот момент - бессильно сползти по стене и, наконец, судорожно глотнуть воздух, которого почему-то отчаянно начинает не хватать.

Мысли начинают возвращаться в мою затуманенную голову хаотично и прерывисто. Почему судьба неумолимо сталкивает меня с этим жутким мужчиной? Как он здесь

оказался? И где, в конце концов, нахожусь я? Хвала богам, что я по-прежнему могу пользоваться своим даром - одним духам ведомо, что бы со мной сделал этот монстр, не уйди я в параллель.

Осторожно поднявшись, я отважилась выглянуть из своего укрытия, но разомкнуть линии сумрака не посмела, тем более, что силы я пока не теряла. Сделав шаг вперед, остановилась как вкопанная, не в состоянии отвести глаз от огромной спины стоящего по пояс в воде оддегира. Широко раскинув руки, он жадно поглощал энергию неведомого мира, словно дорвавшийся до влаги терзаемый жаждой странник. Руны вспыхивали синими всполохами на его висках, шее, позвоночнике, и медленно сползали вниз, исчезая под сияющей поверхностью озера. Это было так завораживающе красиво, что я сразу и не заметила изменений, происходивших вокруг меня самой. По моим ногам вилась светящаяся голубая спираль, обхватывая бедра, плавно огибая талию, проворно двигаясь выше к груди. Сверкающая линия застыла лишь на мгновение, выгнулась дугой, на манер змеи, изогнувшей шею, а затем одним махом впилась в место над сердцем, проникая под кожу, заполняя впитавшейся магией все мое нутро. Больно не было совсем, только странное ощущение, что внутри меня ширится и растет что-то необъяснимо древнее и сильное, делая меня своей составной частью. Повелитель мира песков сжал ладони в кулаки, и символы на нем мгновенно погасли, а вместе с ними оборвались и силовые потоки, втягивающиеся в меня, как в губку.

Ярл медленно развернулся, и зло уставился своими бездонными сияющими глазами на льющийся за мной источник. Тишину священного чертога нарушал лишь шум падающей с высоты воды, неторопливый плеск волн и размеренный стрекот цикад, и тем не менее оддегир не спешил уходить. Подозрительно щурясь, он продолжал всматриваться в пространство за моей спиной, словно знал, что еще мгновение, и оттуда кто-то появится.

Жаль, в этот момент у меня не было в руках ножа. Воткни я клинок в его холодное сердце, он, наверное, и не заметил бы, увлеченный созерцанием пустоты. Но такая быстрая и почти безболезненная смерть чудовища, погубившего мой мир, меня не устраивала - мне хотелось отрывать от него по куску каждый день, чтобы он страдал мучительно долго, бесконечно долго, чтобы захлебывался в смертельной агонии и не находил облегчения. Я не знаю, как заставить мучиться этого непробиваемого истукана, не знаю, есть ли у таких, как он, хоть какая-то слабость или уязвимое место, но уверенность в том, что однажды у меня получится найти его эррагарду, была такой же осязаемо реальной, как то, что я видела его сейчас и могла убить, а он меня нет.

Повелителю Оддегиры, между тем, надоело изображать столб - резко выдохнув, он направился к берегу, шумно расплескивая вокруг себя волны. И чем выше он поднимался, тем сильнее мне хотелось присесть или спрятаться на самое дно. То, что услужливо было спрятано под толщей воды, теперь явилось мне во всей своей ничем не прикрытой красе. Боги, наверное, в этот момент вместе со мной покраснел даже сумрак. И надо бы было закрыть глаза или хотя бы отвернуться, но, раздираемая демонами любопытства, я не могла отвести взгляда от его упругих ягодиц и мускулистых ног. Ярл повернулся ко мне лицом, и удушливая жаркая волна с размаху саданула мне в грудь, а потом потекла по животу, скрутившись где-то внизу в горячий пульсирующий узел. А он словно издевался надо мной, возвышаясь над озером

могучей обнаженной статуей, подсвеченной его сияющими водами. Неспешно наклонился, поднимая одежду, неторопливо стал натягивать брюки, все также внимательно вглядываясь в грот, скрытый за водопадом. И только когда он одел тунику и застегнул кожаные ремни с оружием, я рвано выдохнула, силясь унять бешено бьющееся в груди сердца.

Грозный повелитель поднял свой чудовищный меч, и его вдруг раскалившееся острие прорезало дверь в пространстве. Так яркий луч света пробивает серую завесу тьмы. Демон повернул голову и на прощанье окинул из-за плеча тяжелым взглядом священный чертог. Едва заметное глазу движение, и...

Он просто исчез, растворился в воздухе, как тающий утренний туман, и только примятая трава в том месте, где он только что стоял, была немым свидетелем того, что все это мне не приснилось.

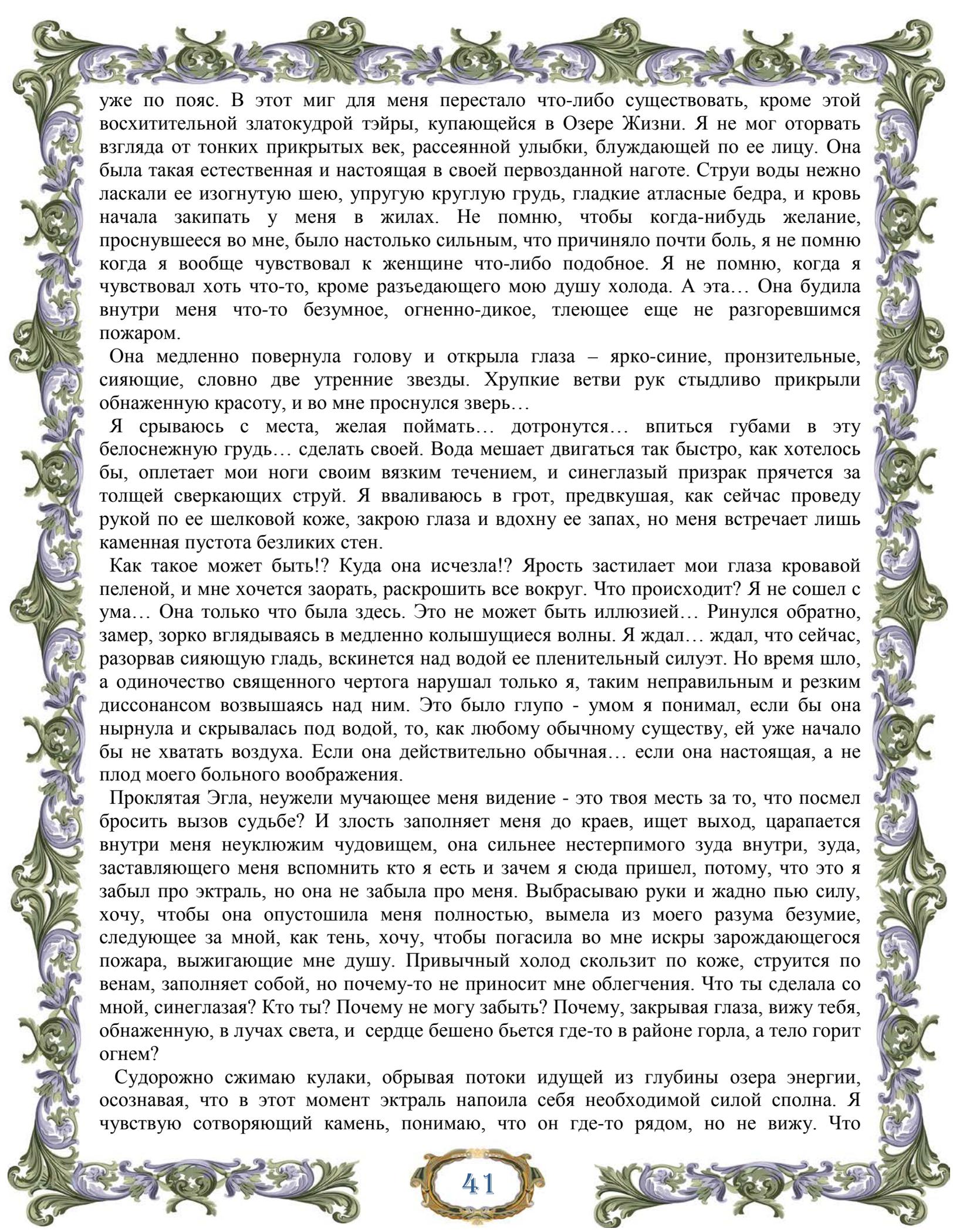
****

Я знал, что услышу эктраль, когда она выйдет на новый виток, но к тому, что это произойдет так скоро, оказался не готов. Голова пустым казаном гудела от вчерашней попойки. И какого демона мне вздумалось так накачать себя ллайром? Под боком что-то зашевелилось, и я изумленно поднял голову, обнаружив запрокинутую на меня голую ногу светловолосой рабыни. Странно, что с другой стороны бедро тоже уперлось во что-то мягкое и теплое. Еще одна... Дерьмо... Ничего не помню.

Тонкая рука проворно скользнула по животу и осторожно устроилась у меня между ног. Организм явно не хотел соглашаться с моей памятью - в отличие от нее, он, видимо, хорошо запомнил оргию, устроенную ночью, и теперь радостно откликался на умелые женские ласки. Призыв внутри меня прозвучал так некстати, когда одна распалившаяся гетера уже сидела на мне сверху, а вторая нежно целовала меня в плечо и терлась о бок, как кошка, мурлыкая и урча. Быстро сбросил с себя гибкие тела девушек и отправился умирять чрезмерно разыгравшиеся гормоны ледяной водой. Появляться в чужом мире с утренним стояком было вызывающе неприлично, даже для такой ужасающей личности, как я. Хотя, по большому счету, мне было наплевать, что подумают обо мне представители других рас, ведь итог один - меня все равно будут ненавидеть и бояться.

Жжение в груди становилось все настойчивее, эктраль требовала наполнения энергией. Вылетев из купальни, на ходу захватил одежду и, соединив магию меча со своей, отдался власти зова, выбросившего меня под сень чернильно-звездного неба. В этом мире была ночь, такая непривычно тихая и светлая... Вернее, я не сразу понял, что свет исходил от воды. Источник жизни был пропитан силой настолько, что ее избыток смешивался вместе с тяжелыми потоками, создавая поистине прекрасное зрелище. Я оглянулся по сторонам, пытаюсь найти место, куда упала эктраль, а потом увидел ее... и время остановилось, замерло вокруг меня пульсирующей сферой.

Это был не сон, не наваждение. Я видел ее... Видел каждую линию ее манящего белизны тела, спорящего с гибкостью и плавностью льющихся на него струй. Она вся была словно соткана из света и воды, такая чистая и безупречная, как грани сверкающего на солнце кристалла. И я, подобно геккону, околдованный ее невинной грацией, пополз навстречу, отбросив меч, одежду, оружие, не заметив, что стою в воде

уже по пояс. В этот миг для меня перестало что-либо существовать, кроме этой восхитительной златокудрой тэйры, купающейся в Озере Жизни. Я не мог оторвать взгляда от тонких прикрытых век, рассеянной улыбки, блуждающей по ее лицу. Она была такая естественная и настоящая в своей первозданной нагоде. Струи воды нежно ласкали ее изогнутую шею, упругую круглую грудь, гладкие атласные бедра, и кровь начала закипать у меня в жилах. Не помню, чтобы когда-нибудь желание, проснувшееся во мне, было настолько сильным, что причиняло почти боль, я не помню когда я вообще чувствовал к женщине что-либо подобное. Я не помню, когда я чувствовал хоть что-то, кроме разъедающего мою душу холода. А эта... Она будила внутри меня что-то безумное, огненно-дикое, тлеющее еще не разгоревшимся пожаром.

Она медленно повернула голову и открыла глаза – ярко-синие, пронзительные, сияющие, словно две утренние звезды. Хрупкие ветви рук стыдливо прикрыли обнаженную красоту, и во мне проснулся зверь...

Я срываюсь с места, желая поймать... дотронуться... впиться губами в эту белоснежную грудь... сделать своей. Вода мешает двигаться так быстро, как хотелось бы, оплетает мои ноги своим вязким течением, и синеглазый призрак прячется за толщей сверкающих струй. Я вваливаюсь в грот, предвкушая, как сейчас проведу рукой по ее шелковой коже, закрою глаза и вдохну ее запах, но меня встречает лишь каменная пустота безликих стен.

Как такое может быть!? Куда она исчезла!? Ярость застилает мои глаза кровавой пеленой, и мне хочется заорать, раскрошить все вокруг. Что происходит? Я не сошел с ума... Она только что была здесь. Это не может быть иллюзией... Ринулся обратно, замер, зорко вглядываясь в медленно колышущиеся волны. Я ждал... ждал, что сейчас, разорвав сияющую гладь, вскинется над водой ее пленительный силуэт. Но время шло, а одиночество священного чертога нарушал только я, таким неправильным и резким диссонансом возвышаясь над ним. Это было глупо - умом я понимал, если бы она нырнула и скрывалась под водой, то, как любому обычному существу, ей уже начало бы не хватать воздуха. Если она действительно обычная... если она настоящая, а не плод моего больного воображения.

Проклятая Эгла, неужели мучающее меня видение - это твоя месть за то, что посмел бросить вызов судьбе? И злость заполняет меня до краев, ищет выход, царапается внутри меня неуклюжим чудовищем, она сильнее нестерпимого зуда внутри, зуда, заставляющего меня вспомнить кто я есть и зачем я сюда пришел, потому, что это я забыл про эктраль, но она не забыла про меня. Выбрасываю руки и жадно пью силу, хочу, чтобы она опустошила меня полностью, вымела из моего разума безумие, следующее за мной, как тень, хочу, чтобы погасила во мне искры зарождающегося пожара, выжигающие мне душу. Привычный холод скользит по коже, струится по венам, заполняет собой, но почему-то не приносит мне облегчения. Что ты сделала со мной, синеглазая? Кто ты? Почему не могу забыть? Почему, закрывая глаза, вижу тебя, обнаженную, в лучах света, и сердце бешено бьется где-то в районе горла, а тело горит огнем?

Судорожно сжимаю кулаки, обрывая потоки идущей из глубины озера энергии, осознавая, что в этот момент эктраль напоила себя необходимой силой сполна. Я чувствую сотворяющий камень, понимаю, что он где-то рядом, но не вижу. Что